Ссылка на материал: https://ficbook.net/readfic/10768901

Дремлющий демон Рида

Направленность: Гет
Автор: ГлупаяИра (https://ficbook.net/authors/4852470)
Беты (редакторы): Kathrin Stein (https://ficbook.net/authors/993358)
Фэндом: Клуб Романтики: Десять желаний Софи
Пэйринг и персонажи: Бенедикт Рид/Софи Престон, Бенедикт Рид/Дейзи Миллер, Бенедикт Рид/Роуз Миллер, Бенедикт Рид, Дейзи Миллер, Роуз Миллер, Паркер Престон, Флоренс Купер
Рейтинг: NC-21
Размер: планируется Макси, написано 89 страниц
Кол-во частей: 17
Статус: в процессе
Метки: Разница в возрасте, Психологические травмы, Нездоровые отношения, Служебный роман, Высшие учебные заведения, Грубый секс, Секс в публичных местах, Секс в транспорте, Триллер, Серийные убийцы, Пытки, Минет, Рейтинг за насилие / Рейтинг за жестокость, Секс без обязательств, Преподаватели, Убийства, Ампутация, Жестокое обращение с животными, Радикальная медицина, Психологическое насилие, Секс в одежде, Как ориджинал, Горе / Утрата, Первый раз, Самосуд, ООС, Насилие, Изнасилование, Психология, Повествование от первого лица, AU, Учебные заведения, Жестокость, Боль, Романтизация, Серийные насильники, Темный романтизм, Rape/Revenge, Сокрытие убийства, Сексуальное насилие

Описание:
Такой человек, как правило, производит хорошее впечатление, обаятелен, следит за своим внешним видом и самочувствием, легко сходится с людьми.

>Вы никогда не подумайте, что сегодня вечером он перерезал горло скальпелем, а теперь читает вам лекцию по психологии.

Посвящение:
Декстеру и человеку, из-за которого я буду гореть в личном котле ада.

Публикация на других ресурсах:
Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:
Семь грехов Бенедикта Рида.

Все сцены выдуманы, сходство с реальными событиями - почти случайны. Вся работа - исключительно фантазия автора. Пожалуйста, не читайте, если вы не готовы вскрыть мозг Дремлющему демону и окунуться в человеческие грехи.

 24.05.2021 - №3 — в популярном «Клуб Романтики: Десять желаний Софи»
 25.05.2021 - №2 — в популярном «Клуб Романтики: Десять желаний Софи»
 08.06.2021 - №1 — в популярном «Клуб Романтики: Десять желаний Софи»

В работе используется большое количество литературы. Использовались заметки Роберта Ресслера, докторов: Джудит Беккер и Карла Уолштра и других. Если при прочтении, вы понимаете, что не готовы, просто закройте работу. Если вы подумайте, что автор хотел обидеть чувства верующих - огорчу вас, это не

так.

Трейлер к работе: https://www.instagram.com/p/CPdFTE1qlBD/

Оглавление

Оглавление 2
Сладострастие 3
Примечание к части 7
Похоть 8
Примечание к части 13
Зависть 14
Примечание к части 18
Гордыня 20
Примечание к части 24
Чужая зависть 25
Уныние 31
Примечание к части 34
Гнев 35
Примечание к части 39
Чужой гнев 40
Примечание к части 44
Гордыня 45
Примечание к части 50
Глава без греха 52
Примечание к части 59
Любопытство 60
Примечание к части 65
Ложь 66
Примечание к части 70
Уныние в обжорстве 71
Примечание к части 76
Обладание 77
Примечание к части 82
Стыд 84
Примечание к части 88
Злость 89
Примечание к части 93
Абсурд 94
Примечание к части 96

Сладострастие

Знаете, сейчас я ощущаю себя самым счастливым человеком на планете Земля. Я чувствую такое умиротворение, несмотря на то, что в моей крови бурлит горячий адреналин. Мои руки точны, движения отмерены, я знаю, что сделаю в следующую секунду.

Все всегда спланировано. Идеально. Без недоразумений.

Даже сейчас, когда я стою с острым скальпелем в руке, я знаю наверняка, чего ожидать. Через тридцать секунд раздастся крик, но он будет лишь походить на булькающий хрип, я всегда знаю, какую мышцу нужно подрезать, чтобы жертва не могла издать лишнего звука. Я предпочитаю работать в тишине, не люблю слышать оправдания: как они говорят о том, что не виноваты, что это случайное стечение обстоятельств, что он сбил человека и уехал с места аварии, или случайно застрелил продавца в магазине, трижды нажав на курок. Я слышал уже сотни этих историй, они неинтересны.

У человека всегда есть выбор, как поступить. Виновник аварии мог остановиться и помочь сбитой женщине. Если бы он не покинул место ДТП, она бы осталась в живых. А ее сын не остался бы сиротой.

Тогда бы у меня была бы совершенно иная история. Интересно, насколько я был бы другим?

Я и сам не могу ответить на этот вопрос, но сейчас я точно знаю, что я поступаю верно и правильно. Если бы однажды пьяный водитель остановился или не сел бы за руль, стоял бы я сейчас здесь с острым скальпелем в руках, перерезая голосовые связки? Жаль, что я еще не придумал другого способа, как заглушить жертв. Этот метод для меня излишне грязен. Можно, конечно, заклеивать рот скотчем, но я люблю, когда они полностью обнажены перед своим финалом. Они такие слабые и никчёмные. Люди, которые поверили в то, что им все можно. Что им все сойдет с рук, и закон на их стороне.

В такие моменты, моменты, когда они понимают, что скоро настанет конец, они возбуждаются.

Сладострастие.

Один из грехов каждого, кто лежал на этом столе. Но я не буду лгать, что это не единственная реакция организма. Есть и более грязные, более отвратительные.

Как и я думал. Тридцать секунд — и он открыл глаза. Блеклые и серые, с желтоватым белком. На его лице выступила испарина, которая уже начала скапливаться в капли пота, что скоро начнут стекать по коже.

Ненавижу.

Сейчас передо мной на столе связанный строительным серым скотчем лежит известный музыкальный продюсер Альфред Стоун. Он не просто так попал сюда, я долго ловил его на крючок. Десять месяцев назад полиция попросила составить психологический портрет насильника по словесному описанию

жертвы. Она не видела его лица за маской, но она точно видела его движения и повадки. Он продержал ее связанной четыре дня, наслаждаясь ее беспомощностью и страхом. Девушка смогла выбраться, полоснув ножом Ахиллесово сухожилие мужчины, и бежала так далеко, как только могла. Полиция проверила обращения с подобными травмами в больницы, но ни одного обращения не было зарегистрировано. Я составил портрет по его манере стоять, излишней нервозности, движениям рук, уровню самоконтроля, способностям и интеллекту.

Я видел все их грехи. Я разберу каждый из них.

Такой человек как Стоун, как правило, производит хорошее впечатление, обаятелен, следит за своим внешним видом и самочувствием, легко сходится с людьми, и плюс, он знаменит. И шанс, что кто-то подумает о нем неладное, почти минимален. Никто не сложил дважды два. Никто не искал его в далеком прошлом жертв. Альфред прятался за договорами и документами и не встречался с жертвой до самого последнего момента. После того, как прошел год после окончания контракта, он выходил на нужную ему цель. Выходил, плел паутину и ловил. Он был аккуратен, его ничего не могло бы выдать, кроме одной незначительной детали.

Любовь к сладкому и желание бросить курить.

Tabex выдал его. Часть упаковочной фольги была найдена на месте нападения. Таблетки по полтора грамма помогли мне найти его, раздеть и обмотать его дряблое тело скотчем. После составления психологического портрета мне пришлось хорошо порыться в прошлом всех семи жертв. Все они занимались творческой деятельностью и мечтали о славе. И каждая получила ее.

Жаль, что посмертно.

Их именами пестрели желтые газеты, их обсуждали. Но ровно до тех пор, пока не выходил новый номер с интересным сканвордом.

И каково было мое удивление, когда я увидел подставные названия фирм, которые в прошлом занимались раскруткой девушек. Ничего бы не вывело меня на него, если бы не наша общая борьба с никотиновой зависимостью и общая очередь за заказом в аптеке. Случайно повстречав прихрамывающего мужчину, я следил, искал улики и следы. Мог ли я сдать его полиции? Определенно нет. Это не в моем стиле.

В моем стиле — довести до предела, заставить пережить их то, что пережили их жертвы. Заставить пройти через страх, боль, принятие и довести до беспамятства. Загоняя в агонию их же оружием.

А после этого собраться, вымыть руки, стол, замотать остатки в целлофан, поместить в холодильник для рыбы и как, возможность, вывезти на яхте в залив.

— Господин Стоун, — я улыбнулся самой доброй улыбкой из своего арсенала, отчего страх на лице мужчины стал еще более заметен. Люблю такие моменты: их страх придает мне желание жить, насыщает мою кровь кислородом. Ухх. Мурашки пробежали по моей спине. Я говорил, что они возбуждаются перед смертью? Я соврал. Не одни они. Я тоже. Он убивал женщин, вырезая их половые

органы и насилуя их после. Слишком грязно, как по мне, но он сам вложил скальпель в мои руки. Он что-то хочет сказать, но лишь кровь выливается из его глотки красной вспененной жижей.

— Господин Стоун, не нужно оправданий. Я вас прекрасно понимаю, — я надеваю второй комплект перчаток, не хочется забрызгаться его кровью, одноразовый фартук мясника уже завязан, я готов. И настал тот момент, когда испытав боль, унижение и страх, жертва возбуждается, когда адреналин несется по венам, а разум еще пытается соображать. Вы знали, что в древности воина, который бледнел при виде крови, брали на службу? А тех, кто краснел — нет. Стоун побледнел. Кровь отхлынула от его головы, пребывая в другое место.

Возбуждение.

А я язвительно ухмыляюсь, смотря, как маленький сморщенный член наливается кровью, что не делает его больше. Я хмыкаю, уже готовый нанести первый надрез, что выпустит фонтан крови, хотя, думаю, мне нужен защитный экран на лицо. Альфред, видя что я опустил руки, выдыхает, я вижу, как он мотает головой и пытается выбраться, но я предусмотрел все. И теперь еще и экран. Я с интересом рассматриваю объект, мое возбуждение сошло на нет, но его будто лишь возрастает. Каково это — залезть в голову убийцы? Каково знать его мысли, ощущать его страх, возбуждение, видеть, как пот стекает по лбу. Видеть, как он в шаге от черты. Его рот издает интересный захлебывающийся звук, я очевидно перестарался, перерезая мышцу.

Слишком много крови.

Я не люблю кровь. Она тяжело отстирывается, ее сложно убрать из помещения.

Нужно найти другой способ, как лишать человека голоса.

Но не чувств.

— Сладострастие, Господин Стоун, является одним из семи грехов. Сегодня мы лишим Вас инструмента одного греха. И жизни.

Я вижу, как он начал дергаться и зажмуривать глаза, будто надеясь, что из моих узлов можно выбраться. Я постарался. Я знал, что он будет против нашего небольшого представления.

— Господин Стоун, а Вы знали, что исходя из мифов, усопшему клали на глаза монеты, чтобы он смог заплатить паромщику Харону, который переплавлял его в Царство мертвых через реку Стикс?

Его серые глаза замирают, изучая меня. Будто стараясь запомнить. Но зачем? Он не выйдет отсюда живым. Я подхожу ближе, немного наклоняясь перед его лицом. Он ужасно воняет. Страхом вперемешку с потом. Я предпочитаю чистый запах. Без ненужных примесей.

Страх.

Я втягиваю аромат и опять ощущаю приятный жар возбуждения, но пот… портит все наслаждение. А его глазки смотрят и будто уговаривают меня

перестать.

Но я же даже не начал.

Кровь струйкой вытекает из-под его тонких обветренных губ, я вижу почти отвалившиеся куски кожи. Я не терплю такого отношения к своему телу. На секунду мне стало отвратительно.

— Я думал, Вы более щепетильны к себе, господин Стоун. Я огорчен.

Он будто не понимает, а в его глазах отчаянье. Мне это нравится. Его голова четко зафиксирована, он не может повернуть ее или излишне дёрнуть. Я сжимаю скальпель сильнее.

Мой любимый момент.

— А Вы знаете, что нельзя положить монеты, если глаза открыты?

Кажется, он догадался, мне это нравится, жаль, что от него так смердит.

Он скулит, пытается выбраться. Тщетно.

Я оттягиваю веко, и его мычание заставляет меня поморщиться. Слишком шумно. Скальпель отрезает веко, будто проваливаясь в растопленное масло, делая тончайший разрез. Я научился не повреждать глаз. Теперь он будет видеть все. Я аккуратно кладу веко на волосатую грудь мужчины и оттягиваю второе. Медленно, миллиметр за миллиметром, я отделяю плоть от тела, не обращая внимания на то, как он дергается, а из его рта все так же льется красная пена.

Вот оно, опять возбуждение.

Сладострастие — и мой грех тоже. Один из моих любимых грехов.

Я кладу второе веко и любуюсь картиной. Идеально, если бы не кровь заливающая лицо и хрипы.

— Придержите коней, господин Стоун. Мы только начали.

Я обхожу его тело и подхожу туда, откуда начал. Мне даже становится немного грустно: сморщенный член больше не возбуждён. А я надеялся узнать, каково это — отрезать эрекцию у самого основания.

Он умрет в любом случае: или от потери крови, или от болевого шока. Мне все равно как, главное — от моей руки.

— Шесть девушек, мистер Стоун. Шестерым Вы сделали «операцию по-живому», Вы вырезали им половые органы, и я, признаться, так и не понял Ваш мотив. Хоть они и были все на одно лицо. Рыжие. У Вас любопытный вкус. Но я его и не поддерживаю. Я предпочитаю блондинок. А Вы знали, — я добираюсь к основанию члена скальпелем и чувствую, как тело дрожит; пока он в агонии, я наслаждаюсь, — Вы знали, что третья жертва, — я надавливаю, совсем немного пуская кровь, которая сразу теряется в густой растительности. Я все еще огорчен его пренебрежением к себе. Его ухоженные ногти, идеальные манеры и

выглаженные сорочки. Но тело, те участки, которые сокрыты, ужасны, обкусанные губы только чего стоят. — Третья жертва, Мелисса Майер, была девственницей, — а этот ублюдок мотает головой, будто не знает. — Ты знал. Ее единственную ты изнасиловал в начале. И ее единственную ты попробовал везде, я уверен, ты наслаждался ее криками и тем, как она вырывалась.

Мне становится скучно. Ожидание, охота, подготовка — они более завораживающие, чем последние минуты. Сейчас лишь рутина. Левая рука натягивает сморщенный член, и знаю, что он приготовился к худшему.

Но будет в тысячу раз хуже.

Я начинаю медленно отделять плоть от основания, лицезрея потоки алой крови, когда я добираюсь до артерии. Я готов. Струя крови врезается в защитный экран на лице, но я даже бровью не повел. Я не обращаю внимания на то, как трясутся конечности Стоуна.

Агония.

Я, признаться, удивлен его выносливости. Я планировал, что он перестанет дышать еще до артерии, но вот, окровавленный кусок сморщенной кожи теперь лежит на груди рядом с веками.

— Ну, раз ты такой живучий, перейдем к мошонке.

Мне определенно стоит поторопиться: через три часа у меня лекция в университете, а сегодня у меня будет новая практикантка, София. Я видел ее много раз спускающейся по лестнице или зарывшуюся по уши в книги в библиотеке. Она всегда невинно отводила глаза, но в них я видел то, что видел в своих — **тьму.**

Примечание к части

Эстетика:https://www.instagram.com/p/CPlRrBZJf9v/
Спасибо за комментарий и "жду продолжения".

Похоть

Уже очень давно я понял, что мне присущи все смертные грехи. Все семь.

Я люблю это число. Семь таинств, семь цветов радуги, семь дней недели, семь чудес света, семь вселенских соборов и семь нот.

Но больше всего, я люблю грехи.

Я люблю их все. Но самый мой любимый — это похоть.

Я аккуратно убрал тело в целлофан, обработал свое рабочее место химическим раствором, проверив все под ультрафиолетом. Сейчас, это просто сарай для рыболовных снастей у залива. Холодильник для заморозки рыбы и господина Стоуна.

По стенам у меня висят удочки и рыболовные снасти, которыми я никогда не воспользуюсь. Но мне нужно место, где я смогу заниматься своим любимым делом. Мне нужно хорошее прикрытие. Я могу быть тут раз в неделю, могу раз в год. Все всегда зависит от обстоятельств. Я уже принял душ и готов покинуть свое укрытие, спрятанное у всех на виду. Стены покрыты слоем шумоизоляции, что позволяет мне делать то, что я должен, без лишних вопросов и свидетелей.

Я никогда ничего не забираю у своих жертв. Мне кажется это высшей степени нелогично. Зачем оставлять любой намек на мою связь с телами? Всегда есть небольшой шанс, что трупы будут найдены. Как говорят, даже палка стреляет раз в год.

Я храню свой секрет уже очень давно.

Мне тридцать пять лет, и первое свое убийство я совершил в девятнадцать. Уже шестнадцать лет я занимаюсь своим любимым делом. Это как хобби. Кто-то любит стрельбу, кто-то гольф, я же люблю смотреть в полные ужаса глаза. Доводить жертв до состояния, близкого к смерти, и вдыхать запах страха. И сейчас после того, как я закончил с господином Стоуном, мне необходима разрядка для тела.

Почти все киношные «маньяки» любят приметные авто яркой расцветки, броские и редкие. Очень часто они предпочитают немецкие марки машин. Никогда не понимал почему. Отношу ли я себя к маньякам? Определенно нет. Я ни разу не причинил зла невинному существу. Я не убивал животных, не душил собак. Моя рука поднималась только на определённый «сорт» людей. Гнилые, грязные, заставляющие невинные жизни обрываться. Я убиваю только тех, кто заслуживает этого. И я помогаю подойти им к черте, после которой их ждет лишь Ад.

Мой BMW уже довез меня до парковки университета, и я занял свое место 7B. Наручные часы показывают, что до начала лекции осталось сорок минут, а значит я точно успею навестить декана. Сейчас она мне будет весьма кстати.

В Майами всегда слишком душно, но температура не заставит меня выглядеть менее представительно. Я никогда не откажусь от идеально

выглаженной рубашки и брюк. Даже если термометр будет зашкаливать.

Мне навстречу идут студенты университета, и каждый намерен поздороваться. Я не люблю лишнюю болтовню, кивок — это максимум моего приветствия для них. У меня есть четкое правило: не спать со студентками. Во-первых, они слишком глупы, во-вторых, меня не интересуют «отношения», а каждая вторая мечтает, чтобы я оказался принцем именно для нее. Но я определенно не принц. В третьих, я не люблю излишние сплетни о себе. Хоть пару раз я был близок, чтобы нарушить свое правило, даже мне сложно отказаться от удовольствия, когда девушка встает на колени в одном белье. Но даже тогда Шерон ушла ни с чем. Сейчас она на последнем курсе, и девушка не сдается. От мыслей меня отвлекает приближающаяся фигура мисс Престон.

— Профессор Рид?

Ее голос приятный и тихий, она ни разу не обращалась ко мне лично до этого момента. Я смотрю на нее, а она смущенно опускает глаза, но я же знаю, что там. Зачем эта наигранная стеснительность?

— Мисс Престон, рад слышать Вас.

А она краснеет — удивительная способность женской натуры; в глазах черти, а на лице румянец.

— У Вас ко мне вопрос? Я планировал поговорить с Вами после лекции.

Мне нужно к декану, хоть мисс Престон и выглядит так, как я люблю, сейчас она мне не поможет. Она, будто заигрывая, убирает прядь белых волос за ухо. Это не работает, мисс Престон. Это детские игры.

— Да, профессор, Вы мне скинули материал вчера по почте, когда Вам нужен план по ним?

О, милая Софи. Мне он не нужен вовсе, я уже сделал все сам. Доверие — не моя сильная сторона.

— После лекции, задержитесь и мы обсудим. Прослушайте ее вместе со студентами.

Ее голубые глаза больше не стесняются смотреть на меня, а аккуратные брови приподнимаются. Конечно, она хочет получить свою группу студентов, а не слушать лекции профессора, с которым так неумело заигрывает. Но все ее поведение…она будто специально носит маску невинности. Ее глаза, в которых разве что не плескается тьма, черное кружево бюстгальтера, которое будто случайно выглядывает из-за ворота клетчатой рубашки. Она вся слишком ненастоящая, ее поза открыта, пальчики спокойны, она не перебирает одежду ими, не сжимает и не прячется за скрещенными руками. Черная папка с бумагами прижата к правому боку, плечи расслаблены. Ей уютно, она не чувствует дискомфорта или стеснения. Даже ее румянец кажется спланированным.

— Хорошо, профессор.

Голос хоть и тихий, но твердый. Она начинает мне нравиться своей

немногословностью. София разворачивается и, постукивая устойчивым квадратным каблуком на туфлях, уходит в сторону факультета психологии. Туда, куда мне будет нужно через тридцать минут.

Ее коричневая юбка выше колен открывает прекрасный вид на стройные длинные ноги. Она определенно в моем вкусе. Нужно будет трахнуть ее. А сейчас есть важное дело, которое не терпит отлагательств. Я провожаю взглядом свою практикантку дольше, чем было бы положено. А она будто знает, что я смотрю, и виляет бедрами. Если Вы решили поиграть, мисс Престон, Вам не понравится.
Я переключаюсь. Времени остается все меньше, и мне нужно в деканат.

Роза Миллер, как обычно, в своем кабинете, мне не нужно стучать. Для меня эта дверь всегда открыта. Роза наивно полагает, что я испытываю к ней романтические чувства. Она не глупа, но слепа. То, что я не трахаю студенток, делает из меня мужчину ее мечты. Она не дурна собой, хоть и не в моем вкусе. Она следит за собой, что мне нравится в ней, Роза опрятна и замужем. Что дает возможность получать то, что мне нужно, не приглашая ее в ресторан. Я трахаю ее уже четыре года и до сих пор не знаю, какой ее любимый цвет. Это идеальный вид отношений. У меня есть и другие женщины, которые приедут ко мне, если я этого пожелаю. Но сейчас мне нужно то, что миссис Миллер делает лучше всего.

Я закрываю дверь на замок, а она кладет трубку, заканчивая разговор. Щелчок дверного замка дает четкий сигнал, что я пришел не по рабочему вопросу. С тех пор, как я отрезал веки мистеру Стоуну, я чувствую возбуждение.

Похоть.

Мой любимый грех.

Миллер встает с кресла, чтобы понять мой настрой. Нет, милая, сегодня трахать тебя я не буду. Во-первых, у меня осталось слишком мало времени, а во-вторых, сегодня твоя помада слишком яркая, будто у шлюхи. Но на члене она будет смотреться идеально. Чувствовать твой вкус сейчас я не хочу.

Она освобождает кресло и встает рядом с ним, будто думая, окажется она сегодня на столе или на коленях. За четыре года можно было бы и привыкнуть, милая. Колени — это место, где тебе позволено быть чаще. Я уважаю ее как декана, но не как женщину. Жена из нее получилась хуже начальницы. Я видел ее мужа один раз за все это время сразу после того, как трахнул ее после лекции. Ее довольная улыбка и испарина выдавали ее с потрохами. Она только слезла с моего члена, который до этого был в ее глубокой глотке, и поцеловала мужа в щеку при встрече. В тот момент я перестал уважать ее. И после того дня я не трахал ее больше за пределами ее кабинета. Она была хороша, опытна и выносliва. Она была доступна в любом месте, куда бы мне захотелось. Сейчас я предпочитаю лишь ее глотку, изредка наклоняя ее саму над столом. По ее серым глазам, по тому, как она уже переминается с ноги на ногу, я вижу, чего она хочет. Прости, милая.

Я подхожу и расстегиваю ремень, давая понять, что не сегодня. Возможно, мне стоит найти новую удобную глотку. Нужно будет присмотреться к своей практикантке. В ближайший год она будет ежедневно попадаться мне на глаза. Возможно, нужно будет добавить ее в список снятия напряжения.

Острые когти на моем животе отвлекают меня, Роза наивно думает, что ее маникюр меня возбуждает. Милая, меня возбуждает похоть, которая плещется в твоих глазах, а не твои излишне длинные ногти. Она опускается на колени — туда, где ее место было и в первый раз, когда она решила отсосать мне в учительской четыре года назад. Это удобно — иметь рядом такой вариант. Только сейчас замечаю ее белую рубашку с глубоким декольте. Я рад, что она одета. Не люблю, когда она снимает с себя все, я видел лишь раз ее полностью обнаженной. Мне не понравилось. Бюстгальтер должен придерживать ее грудь, а юбка должна быть просто приподнята. Я люблю смотреть в глаза, когда трахаю ее. Они закатываются, они на грани потери реальности. Похоть. То, что я люблю.

Она не церемонится, Роза уже стянула с меня брюки и трусы, и я сажусь в ее кресло. Сколько раз я уже сидел в нем? Не знаю. И все разы оно мне неприятно. Обивка сначала приятно холодит кожу, но после уже становится дискомфортно. Но сейчас я не хочу стоять. Она облизывает свои красные губы, немного смазывая помаду языком. Не люблю красный. Но сейчас не тот момент, чтобы просить стереть ее. Я расстегиваю пуговицы своего пиджака, устраиваясь поудобнее, и кладу руки на подлокотники кресла. Она слишком долго ждет. Будто пытается запомнить член, который и так часто видит. Не люблю ожидание. Наручные часы подсказывают, что до пары осталось меньше двадцати минут.

— Начинай.

Мой голос будто выводит ее из ее ступора. Обычно она более сообразительная. Роза сжимает член у основания рукой и погружает его в свой горячий влажный рот, обводя головку языком. Сегодня я не заставлю тебя долго стараться, я пришел уже возбужденный. Я чувствую, как упираюсь в ее глотку — идеальное место в этой женщине. Но мне нужно глубже, милая, я знаю, ты умеешь, если постараешься. Я не хотел наматывать ее чёрные волосы на кулак, но она слишком плохо старается. И даже язык, блуждающий по члену, не спасает.

Глубже, Роза, ну же.

Приходится схватить ее за волосы, не беспокоясь о том, что причиняю ей боль. Я надавливаю на ее затылок, а она будто просит пощады своими глазами, поднимая их на меня. Зря ты посмотрела, милая. Я вижу, что ты хочешь. Выражение ее лица показывает, будто ей нужно нежнее, но глаза — они не лгут. Я насаживаю ее глубже и уже вижу блестящие капли в уголках ее глаз. Давай, милая, ты можешь лучше, сожми губки потуже. И она сжимает.

Вот так мне нравится.

Я продолжаю направлять ее и начинаю чувствовать то, чего так ждал. Это можно сравнить с желанием чихнуть, когда только хочется, но еще не все. Яйца сжимаются и становятся тверже, пальчики Розы начинают их перебирать. Молодец, милая. Во всем члене начинает скапливаться пульсирующая тяжесть. Я вспоминаю, как веко отделялось от плоти, как кровь брызнула на защитный экран на лице, и подталкиваю рукой последний раз. Роза хочет отстраниться, но моя рука крепко сжимает ее черные волосы. Нет. Сейчас я хочу кончить как можно глубже в тебя. Еще, еще и еще. Мысли на секунду испаряются из моей

головы, чувствуется лёгкость во всем теле, и я перестаю придерживать ее затылок. Этого больше не нужно. Я излился досуха. Полностью осушив себя. Прикрываю глаза и чувствую прохладу на члене, это означает, что он больше не в лучшем месте этой женщины. Не в ее глотке.

Я открываю глаза и смотрю, как она пытается привести волосы в порядок. Тщетные попытки. Извини, милая, старалась бы ты лучше, я бы не тронул твою причёску.

Я опускаю взгляд вниз, наблюдая красные отметины от помады на члене.

Отвратительно.

В кармане пиджака всегда есть платок для такого. Я вытираю помаду и ее излишние слюни, встаю с кресла и надеваю брюки.

— Благодарю, милая, сейчас мне было это необходимо.

Она улыбается, а я замечаю каплю спермы в уголке ее губ. Рука все еще держит платок, которым я протирал член, белой тканью я собираю прозрачную жидкость в углу ее рта и бросаю платок на стол. Он безнадежно испорчен.

Я давно перестал уважать эту женщину.

— Бенедикт, нам нужно поговорить.

Никогда не любил такое начало разговора. А она будто краснеет. Я знаю, что она будет стоять на коленях до тех пор, пока я буду ей позволять. Но мне интересно, что она хочет сказать. Я даже заинтересован.

— Я слушаю тебя.

Я поправляю одежду и смотрю на часы. Говори быстрее, милая. У меня осталось семь минут.

— На этой неделе мы не сможем больше увидеться, ко мне прилетела дочь, она будет в университете все это время.

Она запинается, а я не понимаю, как ее дочь влияет на ее глотку.

— Я не хочу, чтобы Дейзи что-то заподозрила. У меня и так с ней очень сложные отношения.

О, милая, не переживай. Все наши тайны останутся за закрытой дверью твоего кабинета.

— Конечно, Роза. Не беспокойся.

Она тянется ко мне, чтобы поцеловать. Но я разве похож на человека, который будет целоваться после спермы на ее губах? Она сегодня слишком растерянная. Мне не нравится ее поведение.

Я отстраняюсь. Отвратительно.

— Мне пора, милая, у меня лекция.

Не обращая внимания на женщину и ее лицо, где точно можно увидеть разочарование. Я подхожу к двери и открываю замок.

— Мам, сразу говорю, я на намерена слушать твои нравоучения про Вегас.

Любопытно. Блондинка замирает в дверях и смотрит в упор на меня. Молодая, не больше двадцати лет. Красивая.

В моем вкусе.

Я вижу, как ее взгляд изучает меня. Я уже видел похожий несколько минут назад, глаза как у матери. Но это меня не смущает. Мне все равно. Единственное, что это тело я бы хотел увидеть без лишней одежды. Но это все подождет.

В ее взгляде то, что я так люблю.

Похоть.

Примечание к части

Эстетика к главе: https://www.instagram.com/p/CPMFyZeJOrq/?utm_medium=copy_link

Зависть

«Зависть — это плохо», — прочитаете вы на обложке модного журнала, но я так не считаю. Сегодня тема лекции «Психология зависти». Я читаю такой скучный материал, а студенты разве что не заглядывают мне в рот. Особенно женская половина. А вы знали, что зависть — это грех? Смертельный грех, из-за которого мы с вами будем гореть в личном котле Ада.

Спиноза определял зависть как «неудовольствие при виде чужого счастья» и «удовольствие в его же несчастье». Я не испытываю удовольствие от чужого счастья, но даже я испытываю *зависть*. Хотя можно подумать: почему? Чего у меня нет, чтобы я мог завидовать другим?

У всех нас есть темная сторона, но кто-то то ее показывает, кто-то скрывает. Некоторые умеют жить в симбиозе с ней. Все мы — больные люди. Лишь единицы откровенно признаются в этом.

В крошечном городке Пеннсбург, расположенном на востоке Пенсильвании, стоит маленький дом. В нем хранится коллекция, которую вы вряд ли найдете в музее и скорее всего никогда не увидите вживую.

Все стены комнаты на первом этаже увешаны картинами, на которых изображены боль и страдания, черепа различных форм и цветов, женщины в откровенных позах, фольклорные сюжеты и фантастические животные. Однако особенными их делает не столько содержание, сколько авторство: все они были нарисованы серийными убийцами.

Можно ли считать человека, который собирает работы серийных убийц, здоровым? Нормальным? Или он живет в симбиозе со своими демонами?

Я давно принял свою темную сторону, я живу и наслаждаюсь ею. Я люблю искать тьму в других. Сейчас передо мной сидят более сорока пар глаз. Я всматриваюсь в глаза каждому: девушка за соседней партой жует, и ее рот покрыт мелкими крошками, прилипшими к губам.

Вы знаете, какой это грех?

А парень на первом ряду трет свой пах, смотря на меня. Возможно, он думает, что я этого не вижу. А рядом с ним блондинка поглаживает его затылок. Они определенно «пара», которая считает себя даже образцовой и, возможно, моногамной. Но так часто, смотря перед собой, мы не обращаем внимания на главное. Ее дружок уже сорок минут смотрит на мой ремень и ширинку. Знает ли она, что его возбуждает? Знает ли она его самую страшную тайну?

Вы знаете, какой это грех?

Моногамия — насилие над собой или высокие чувства? Согласно Ареальной картотеке человеческих отношений из одной тысячи двести тридцать одного изученного человеческого культурного сообщества со всего мира сто восемьдесят шесть были моногамны. Если просто вдуматься в эти цифры? Есть ли шанс у обычного человека быть «моногамным» или верным? Как вам больше хочется. Но исходя из этих цифр, я бы хотел взглянуть в глаза этим ста восьмидесяти шести, чтобы увидеть в них зависть.

Зависть из-за того, что другие делают то, что хотят, спят с теми, кого хотят, а не потому, что положено и нужно трахать только одного человека, или потому, что однажды он так пообещал.

Мои мысли совершенно отдалились от темы лекции. Студенты смотрят представленные слайды, а я наблюдаю за ними. Я люблю изучать людей, их повадки, жесты, позы. Как они себя ведут.

За последней партой я замечаю движение.

Дочь моей милой Розы — Дейзи — подсела к мисс Престон и что-то шепчет ей на ухо. Интересно. София смущенно опускает глаза и заправляет прядь белокурых волос за ухо, за этим так интересно наблюдать. Мисс Престон делает вид, что ей стыдно, но это не мешает ей заигрывать.

Кто же ты такая, София?

Я смотрю на эту пару девушек, как они тихо переговариваются и шепчут что-то друг другу на ухо, и буквально чувствую их горячее дыхание у своего виска. Несмотря на то, что я кончил в глотку милой Розе около часа назад, я бы хотел повторить это с этими девушками. Как хорошо, что они не мои студентки. Дейзи будто невзначай касается своей груди и поднимает глаза на меня.

Ну здравствуй, милая.

Даже с такого расстояния я вижу ее серые переливы, будто металл плещется в ее глазах. А она не отводит взгляд — *смелая* — и поправляет кофту, делая вырез более открытым. О, милая, мне больше нравятся твои глаза, в которых ты уже скачешь на моем члене, твой вырез меня не интересует. Я вижу, как мисс Престон хватает свою подругу за локоть, привлекая внимание, и Дейзи отворачивается от меня. Я никогда не трахал в один день мать и дочь. Возможно, сегодня нужно это исправить. Ну, а пока нужно закончить лекцию.

Студенты покидают аудиторию, и с ними дочка декана. Я не провожаю ее взглядом, она перестала быть мне интересна, как только я перестал смотреть в ее глаза, но это не означает, что мы не встретимся с ней позже. Возможно, на столе ее матери или на заднем сиденье моего BMW. Я намеренно покупал вместительную машину, чтобы там легко можно было перевозить тела, но и трахнуть Дейзи там тоже можно.

София поднимается с последнего ряда и неуверенной походкой идет ко мне. Милая, не нужно притворства. Я знаю, какая ты. Ты не скромница. Она покачивает бедрами и приближается к моему столу, я уже поднялся с кресла, выключая презентацию. Мне интересно, что она скажет. Хочется взглянуть в ее глаза, полные желания и стеснения.

— Профессор Рид.

Какой сладкий у нее голос. Я отвлекаюсь от проектора и смотрю на нее. Бюстгальтер больше не виднеется, значит в тот раз это было намеренно. Вы правда хотите поиграть, София?

— Мисс Престон, как Вам лекция?

Уверен, она не слушала: она переговаривалась с подружкой, она смотрела в экран телефона, но она и не обязана была. Но это не значит, что я не акцентирую на этом внимание.

— Прекрасна, профессор.

Ее губ касается нежная улыбка, но я вижу то, что скрыто под ней. Это ухмылка. Хитрая, аккуратная и незаметная для обывателя, но не для меня.

— Что Вам понравилось больше всего, мисс Престон?

Она опять приподнимает свои аккуратные брови, и на секунду я вижу плескающуюся тьму в голубых глазах. Я уверен, сейчас ее ответ меня удивит.

— Больше всего, профессор, мне запомнилось высказывание преподобного Иоанна Дамаскина, который указал на родство зависти и сострадания. Не называя их ни грехами, ни добродетелями, он относит эти понятия к *неудовольствиям* человека.

И она смогла удивить меня. *Неудовольствия.* Любопытно.

— Завидуете ли Вы, мисс Престон?

Она так внимательно на меня смотрит, но не как большинство: она не изучает фигуру, она не смотрит на мои губы. Она смотрит в глаза, будто не боясь, будто зная, что там ее тьма.

— Да, профессор, сейчас я завидую, что у Вас есть свой курс по психологии, а у меня еще нет. И еще я завидую, что Вы работаете на полицию Майами, составляя психологические портреты убийц.

Вы еще раз удивили меня, мисс Престон.

— Тогда сегодня после лекций не уезжайте домой, составите мне компанию по работе на полицию.

И в мгновение в ее глазах заиграла тьма. Будто я чиркнул спичкой над канистрой бензина. *Тьма и похоть*. Я вижу, как она на секунду переставляет ноги. Ты возбудилась, милая? Но я же еще даже ничего не сделал?

И я вижу, как она берет себя в руки, не буквально, конечно, только глаза ее выдают. Она также стоит, не сжимая руки, не отводя взгляд, она моргает, и как только ее веки приподнимаются, из глаз исчезает все то, что я так люблю, оставаясь небесно-голубыми и будто невинными.

— Благодарю Вас, профессор. А чей портрет Вы будете составлять сегодня?

Не я, милая, сегодня это будешь ты. А я лишь буду проводником для твоих мыслей, в которые хочу окунуться глубже.

— Вы слышали об убийстве Грёне?

Лишь слепой и глухой не слышал об этом. Серийный маньяк, орудовавший по

всему США, на его счету уже более тридцати жертв, я давно собираю о нем информацию и, к моему счастью, он был замечен в Майами, похитив трех детей из частной школы менее недели назад. Есть шанс, что они еще живы.

— Да.

Немногословно, милая, но мне нравится.

— Так вот, мисс Престон, сегодня нас ждет встреча с полицейскими на тему портрета маньяка Грёне.

Она лишь кивает, будто сейчас у нее в голове другие мысли, которые она не решается озвучить. Ну же, милая, будь смелее.

— Спрашивайте.

Приходится ее подтолкнуть, сегодня уже второй раз мне приходится заставлять женщин действовать. Надеюсь, на сегодня это в последний раз.

— Профессор, а Вы завидуете?

Третий раз Вы удивляете меня, милая София. Возможно, не один я хочу пробраться в Вашу голову. Вы тоже хотите?

— Да, мисс Престон, я испытываю зависть.

Или она думала, что я солгу? Но зачем лгать в таких мелочах?

— Кому?

Ее небесные глаза смотрят на меня, интересно, она уже раздела меня мысленно? Думаю, да, еще при первой встрече на улице.

— Не кому-то конкретному, мисс Престон, я завидую людям, которые борются со своими демонами и побеждают.

Она опять поднимает брови. Милая, это третий раз за сегодня.

— А Вы проиграли?

С каждым новом словом она становится все интереснее.

— Нет, мисс Престон. Я давно победил.

У меня складывается ощущение, что мы говорим об одном и том же. Но разными словами.

— Вы победили своих демонов?

Улыбка появляется на моем лице, а она будто удивлена ей. Первый раз я улыбался сегодня, когда смотрел в глаза мистера Стоуна на своем столе, и второй раз сейчас, когда милая София буквально погладила монстра во мне.

— Я давно принял их. Смею предположить, как и Вы, мисс Престон.

А она не удивляется моим словам. София внимательно смотрит мне куда-то в районе левого уха и шеи. Достает из кармана юбки клетчатый серый платок. Я, признаться, удивлен. Зачем?

Я вижу, как она подносит уголок платка к своему рту и аккуратно облизывает кончиком языка ткань, смачивая. Но я все еще не знаю, зачем ей это необходимо, хоть признаюсь, движение ее розового кончика языка заставляют меня ощутить опять то, что я недавно оставил в кабинете Розы.

Возбуждение.

Она тянется к моей шее и почти невесомо касается кожи влажным уголком платка.

— Вы, наверное, поранились, когда брились?

Ты знаешь, что я не брился этим утром, это видно по моей короткостриженной бороде.

Я вижу темное пятно на платке.

Кровь.

Очень непредусмотрительно с моей стороны. Но платок нужно забрать. Незачем оставлять даже каплю крови в руках незнакомого человека. Я перехватываю ее руку и забираю платок, но, к моему удивлению, София будто этого и ждала. Я засовываю ткань во внутренний карман пиджака.

— Спасибо, мисс Престон, я верну Вам новый платок.

— Незачем, у меня всегда есть запасной, — она вытаскивает еще один такой же. Весьма предусмотрительно. — У Вас на вороте рубашки кровь. Рекомендую использовать соляной раствор или перекись на такого рода пятна. Конечно, если они свежие. Увидимся после лекций?

— Спасибо, мисс Престон. После лекций, все верно.

Очень глупо с моей стороны. Очень. Я тщательно проверил все на наличие крови. Все, кроме самого себя.

— Софи — так меня называют друзья. Или София. Как Вам больше нравится.

Мисс Престон не ждет моего ответа, она разворачивается на каблуках как раз в тот момент, когда двери аудитории открываются и заходят следующие студенты. Я бы ответил, мисс Престон, как мне больше нравится.

А лучше бы показал.

И желательно сейчас.

Примечание к части

Группа в инсте, где можно найти фф на любой вкус и цвет.
https://www.instagram.com/fanfic.fb.love/?hl=ru

Эстетика к главе: https://www.instagram.com/p/CPQA8cNJLgs/

Спасибо за комментарий, лайк и "жду продолжения".

Гордыня

Отовсюду веет запах боли
Он мне не чужд, таю́ в себе грехи.
Поддаться стоит этой воле?
Костюм скрывал желания мои.

Коль жизнь моя, желаю я так жить,
Во всём, везде мерещится обман.
Огнём их жечь и резать… просто бить,
Забрать их жизнь так, словно я гурман.

Я — чёртов Робин Гуд без стрел,
Я болен. Нет. Я жив.
Ох, этот запах свежих тел…
Поверь, отнюдь я не брезглив.

И мысли прерывает тихий звук звонка.
— Свободны. Прочь все с пары, —
Настойчиво решил я разомкнуть уста.
«Покойтесь с миром, твари.»*

***

Обладая должными знаниями, составить портрет серийного убийцы не так уж и сложно. Нужно знать критерии для определения типа. Всего, как ни странно, их два. Всё множество можно разделить всего на два и получить правильный ответ. Представляете?

Вот так просто.

Организованный несоциальный и дезорганизованный асоциальный. Каждый из них уникален и интересен. Но как понять, какой вид попался мне?

Мисс Престон пролистывала материалы дела, и я уверен, что она не повела и бровью от вида крови и сгнивших тел, она листала папку, смачивая указательный пальчик языком, чтобы перелистывать страницы — я уже заметил эту особенность. Еще сидя в библиотеке и читая роман или научную литературу, она делала это. Смачивала указательный палец кончиком языка и медленно переворачивала страницы.

В документах по делу есть все необходимое. По соображениям безопасности, полиция не рассылает данные на почту, и ознакомиться с ними можно только тут. Сидя в невзрачном кабинете детектива. Но я в этом кабинете уже был.

Так сложилось, что я уже знаю все необходимое. Единственное, я не знаю имени, но и для его определения мне нужно еще пару дней. Я не уверен, что мне удастся успеть до того, как похищенные дети перестанут дышать. И тут я встаю перед нравственной дилеммой. Рассказать полиции все, что смогу, без привлечения дополнительного внимания к себе, или выполнить *свою* работу и

вычислить убийцу самостоятельно.

Гордыня.

Согласно Фоме Аквинскому, гордыня определяется как «неупорядоченное желание превосходства».

Это и мой грех тоже, я хочу быть первым, кто посмотрит в глаза убийце, я хочу видеть, как его руки начнут трястись, я хочу чувствовать аромат страха, который будет возбуждать меня.

Гордыня — это моя самонадеянность, вера в то, что я всё смогу и всего добьюсь самостоятельно, а не с помощью Бога или, в данном случае, детектива, который не перестает поглощать сальные пончики и мерзко слизывать с пальцев сахарную пудру, причмокивая. Отвратительно.

Вы знаете, какой это грех?

— Дезорганизованный асоциальный тип серийного убийцы.

Из размышлений меня выводит мисс Престон. Неплохо. Что дальше, милая?

— Наш образец обладает низким или ниже среднего интеллектом. Возможно, умственно отсталый.

Первое верно, второе — увы, нет, мисс Престон. Она переводит взгляд своих голубых глаз на меня и так невинно смотрит. О, милая, не нужно так стараться быть ангелом, тебе это не к лицу.

— «Наш» образец — не умственно отсталый, но я согласен с мисс Престон, уровень IQ не более восьмидесяти трех.

Она так мило поджимает губки, будто и правда ангел. Но я видел, милая, я все видел в твоих глазах.

— Психически нездоров, неадекватен. Презираем или не принят обществом из-за видимых странностей в поведении. Живет за счет родных или государства, может состоять на учете в психиатрической клинике. Такой тип убийц не может наладить контакты с людьми, особенно с противоположным полом.

Как по учебнику, мисс Престон.

Я лишь киваю. Незначительные ошибки: он не состоял на учете, иначе его бы давно поймали. Последнее ее предположение заставляет меня усмехнуться, хоть я и не показал этого. Конечно, ему сложно налаживать отношения с женщинами, милая, он предпочитает детей.

— Неопрятен, плохо следит за собой. Также не следит за своим жилищем.

— Верно.

— Преступление совершает спонтанно.

— Да, мисс Престон.

— Не продумывает детали убийства, не старается уничтожить улики.

— Очень хорошо.

— Убивает недалеко от места жительства или работы.

— И да, и нет. «Наш» объект часто переезжает, и он точно не работает. Скорее всего, снимает небольшой дом с подвалом, предпочтительно где-то на окраине. Опять же, он ограничен в средствах, но у него точно есть машина.

О, милая, ты опять поджимаешь губы, будто обиделась. Я не поверю, что ты случайно сказала про этот пункт. Ты же знала, что *наш* убийца точно не имеет постоянного дома.

— Может, и маркой автомобиля поделитесь, профессор?

Мне нравится, когда ты такая, София. Заинтересованная и возбужденная. Я опять вижу искры в твоих глазах.

— Я думал, это очевидно.

Приходится пожать плечами, но это же и правда очевидно, милая. Или ты не видишь этого?

— BMW X7?

Ну, значит поиграем.

— Думайте, у серийного педофила без работы, без постоянного места жительства и незначительного интеллекта может быть авто марки BMW?

Я поудобнее устраиваюсь на неудобном металлическом стуле и улыбаюсь, смотря на блондинку напротив. Мне интересны ее мотивы. Чего она хочет добиться, а точнее, что я могу дать ей кроме очевидного?

— Вы мне скажите, профессор.

— Девятая страница, мисс Престон, там указана марка авто, которую видели после нападения в Детройт-Лейкс, помните, я спрашивал про Грёне?

Один-ноль, мисс Престон.

Опять ты поджимаешь губы, милая, но кто же виноват, что я уже знаком с материалами дела.

— Я бы рекомендовал вам искать мужчину за сорок, с судимостью, первая была до совершеннолетия. Из-за того, что в его деле видны «перерывы» или, как их называют в криминалистике, «периоды охлаждения». Из-за того, что «наш» убийца дезорганизованный асоциальный тип, эти перерывы были вызваны отбытием тюремного срока. Но не ищите пометки «педофил», он осуждён за другое: угон, нападение или употребление наркотиков. И совершенного точно: он выходил досрочно. Вам необходимо сопоставить «периоды охлаждения» и осужденных в эти периоды.

Мы составили портрет. Мисс Престон сделала черновой набросок, я его довел до совершенства. Единственное, чего не хватало — имени. Но даже сейчас в руках служителей порядка были все необходимые данные. Они знали примерный возраст убийцы, телосложение, даже его дальнейшие действия с возможными местами, которые он посещает. Майами — очень большой город с населением более двух миллионов человек, город возможностей и высоких температур. И также это город, где легко можно отследить сдачу дома в аренду. Чем и занялись блюстители порядка, когда я выкручивал руль автомобиля на парковку к университету.

Мисс Престон не сказала ни слова, как мы сели в машину, но поза ее была расслаблена, руки свободно лежали на бедрах, а сама она, кажется, рассматривала пейзаж за окном, отвернув голову от меня. Ей точно было комфортно, она не чувствовала угрозы или опасности. Обычно женщины реагировали на меня иначе, они отводили глаза, краснели, игриво убирали волосы за ухо. Все то, что она делала в первую встречу на улице. Но не сейчас. Возможно, она поняла, что мне не интересны ее игры? Это было загадкой для меня. Которую я планировал разгадать в ближайшее время.

Сейчас же есть более важные дела. Господин Стоун в холодильнике для рыбы, в багажнике машины рубашка, которую нужно уничтожить из-за капли крови на вороте, и Дейзи, что сейчас стоит у входа в университет. Но сейчас меня больше интересует мисс Престон, которая не шевелится до тех пор, пока я не заглушаю двигатель автомобиля.

Она медленно поворачивает голову ко мне, и я понимаю, что она спала и сейчас пытается сделать вид, будто этого не было.

— Спасибо.

И голос ее такой правдивый и немного хриплый ото сна, и глаза такие благодарные. Но можно ли доверять этой наигранности? Определенно нет.

Доверие — не моя сильная сторона.

— Вы получили удовольствие, мисс Престон?

Я — определенно да. Даже рассказав все об убийце, я все еще знаю, что первый найду его, я знаю его повадки, я изучил его манеру поведения и даже вкусовые предпочтения из дела. Сейчас дело за малым: выследить, удостовериться и вколоть под кожу тонкий шприц с транквилизатором.

— Самое настоящее, профессор Рид.

Это я тебя еще не трахнул, милая.

— Рад был угодить, мисс Престон.

Первый раз в моем присутствии уснула женщина, удивительно, что она смогла настолько расслабиться, что отключилась прямо на сидении автомобиля. Я разблокировал центральный замок, намекая, что ей пора уходить. Ее время на сегодня исчерпано. Я наблюдаю, как она отстёгивает ремень безопасности и уже собирается выйти. Даже не попрощаешься, милая?

— Мисс Престон, Вы ничего не забыли?

О, непонимание в ее глазах меня опьяняет. О чем ты думаешь сейчас? Что ты могла забыть в моей машине? Есть догадки? Но твои глаза так и смотрят с вопросом, ты так судорожно осматриваешь салон машины, будто оставила тут свои трусики. Я дам тебе подсказку.

— Ваши задания для практики у Вас на почте, жду их завтра перед лекцией.

— Хорошо. Всего доброго.

Короткий ответ и хлопок двери. А Вы думали, я Вас поцелую на прощание? Я смотрю, как Софи идет в сторону Дейзи. Если я все верно предусмотрел, то сейчас в моей машине окажется пассажир в виде блондинки в короткой юбке. А как же мама разрешает тебе так непристойно одеваться?

Я вижу, как в окне на втором этаже в кабинете декана мелькает тень.

Милая Роза, интересно, сильно ли ты огорчена сейчас?

Случается ровно то, чего я ожидаю: Дейзи лишь машет Софи рукой на прощание, а та, я уверен, приподнимает свои аккуратные брови. Я вижу, как Дейзи идет ко мне, поправляя юбку и перекидывая белокурые волосы через одно плечо.

У всех всегда есть выбор, милая, свой ты сделала только что. Ну что же, добро пожаловать.

Сегодня похоть смешается с гордыней.

Примечание к части

Эстетика: https://www.instagram.com/p/CPTgwRDJQIS/?utm_medium=copy_link

Спасибо за отзыв)

*За прекрасный стих, спасибо Инне Габриэль

Примечание к части Инста автора с эстетиками:
https://www.instagram.com/p/CPX_zmmJaDC/
Еще, есть чат в телеге, где я сообщаю о новых главах и выкладываю эстетики:
https://t.me/joinchat/XMX2siDHcpRlOTdi

Спасибо за отзыв)

Чужая зависть

Я наблюдаю прекрасную картину: Роза стоит у окна своего кабинета и провожает взглядом свою любимую дочь, идущую уверенным шагом в руки мужчины, которому ее мать отсосала сегодня утром, стоя на коленях.

Я даже знаю чувства, которые она испытывает.

Изменники почти никогда не думают о последствиях своих действий, но как чудесно, что я не считаю секс с другой женщиной изменой.

Моногамия, как и доверие — не моя сильная сторона.

Роза сейчас испытывает смешанные чувства: горе, гнев, сожаление, тревогу, стыд и зависть -то, что разрушает ее сейчас. И она задает себе вопросы:

«Что я сделала не так?»
«Как нужно было поступить, чтобы этого избежать?»
«Почему это происходит?»
«Достаточно ли я хороша для него?»
«Почему он это делает?»

Считается, что мужчины неверны, потому что у них есть такая возможность, на деле же любовь на всю жизнь — это ложь, а моногамная любовь — обман. Роза сейчас не думает о том, что сама уже четыре года гуляет от своего мужа, она лишь презирает ситуацию, в которой молодая девушка может свободно забраться в мой автомобиль, и об этом не будут переговариваться на каждом углу. Она же — может лишь открывать рот за закрытой дверью своего кабинета.

Зависть.

Сейчас она испытывает ее. Ей за сорок, брак давно разрушен, а мужчина, о котором она думает последние четыре года, сейчас трахнет ее дочь. Чувство досады пожирает ее, а возможности ее дочери заставляют ненавидеть. Дейзи, меня и саму себя.

Завтра, когда она спросит, что ее белокурая милая девочка делала в моей машине, я не скажу ей всей правды. Зачем ей знать, что она скакала на моем члене? И Роза поверит, а я перестану уважать ее еще больше. Но это будет завтра.

— Профессор Рид?

Она залезает в авто, совершенно не стесняясь короткой юбки, которая задирается еще выше. У тебя красивые ноги, милая.

— Мисс Миллер. Чем могу помочь?

Ну, кроме очевидного, твоя машина сломалась? Тебя нужно довести до дома и до оргазма? Что ты придумаешь, милая? Удиви меня.

— Моя машина не заводится, так не хочется ждать эвакуатор сейчас. Вы могли бы довезти меня до дома?

Я думал, Вы более сообразительны, ну что ж. Мне же не интересен уровень Вашего IQ, но смею предположить, милая, что он ниже среднего.

— Адрес, мисс Миллер, я довезу Вас.

— Линкольн Роуд, 24.

А ты уже пристегиваешь ремень безопасности и одергиваешь топ пониже. Твоя грудь красивая, милая, но меня огорчает уровень твоего интеллекта, я надеялся, что ты будешь поумнее, хотя и не собирался с тобой беседовать.

Всю дорогу мы едем молча, и чем ближе подъезжаем к названному тобой адресу, тем дёрганее ты становишься. Не знаешь, как начать? Я не планирую тебе помогать, милая, ты сама сделала свой выбор и начала эту игру. Сможешь ли ты ее закончить? Я паркую автомобиль у твоего дома, вокруг нас ходят люди, ездят велосипедисты, оживленная улица, это будет интересно, милая. Ты же не думаешь, что я буду подниматься к тебе?

— Может хотите подняться и выпить кофе?

Я огорчен. Искренне.

— Я предпочитаю чай, мисс Миллер.

И быстрый перепихон на заднем сидении авто. У тебя осталось тридцать секунд, милая, иначе я уеду заниматься делами. Тело само себя не уничтожит.

Двадцать пять секунд.

Я не сделаю первый шаг в игре, которую ты начала. И ты его делаешь, умница. Ты быстро отстегиваешь ремень и приближаешься ко мне. Одна твоя рука уже легла на мой пах и начала поглаживать ширинку. А ты думала, я возбудился от твоего выреза на топе? Нет, милая. Это не интересно. А вот твои глаза, в которых плещется похоть, возбуждают меня. Я внимательно смотрю в твое лицо, ты красивая, милая, жаль, что глупая. Но я уверен, в сексе ты опытна и хороша. И прости, но я точно буду сравнивать тебя с Розой. Какой твой следующий шаг?

— Профессор, может переместимся на заднее сиденье?

— Хорошая идея, милая.

От такого обращения к тебе ты аж губу закусываешь, ну что ты, я так обращаюсь ко всем. Не надумывай. Я выхожу из машины и пересаживаюсь, мисс Миллер же просто перелезает на заднее сиденье. Тонированные стекла скрывают нас от взгляда прохожих.

Ее стеснение в глазах — это так мило, особенно в сочетании с откровенным топом и короткой юбкой. Она приподнимает юбку и устраивается сверху на моих коленях. Умница — так я смогу видеть твои глаза. Я не вижу необходимости раздевать тебя полностью, может, в следующий раз? Если мне, конечно, понравится первый. Я опускаю твой топ вниз, освобождая грудь, и немного сминаю ее ладонями, скручивая затвердевшие соски. Жаль, что не настоящая. Но сейчас это не особо важно. Я приподнимаю твою юбку еще выше, теперь она на твоей талии, и ты начинаешь меня целовать. Неплохо, язык играет с моим, и я уже слышу твои стоны, тебе так мало нужно?

Я запускаю руку в твои трусики, какая же ты уже мокрая, милая.

У большинства женщин клитор является главной эрогенной зоной. По этой причине именно клитор — основной источник приятных ощущений, которые женщина испытывает во время полового акта. Если знать, куда нажать и как стимулировать, оргазм не заставит ждать.

А я знаю все нужные точки. И чувствую, как клитор твердеет и набухает от каждого моего движения, а пальцы уже утопают во влаге. Ты так и хочешь, чтобы я засунул пальцы в тебя, твоя возбужденная грудь трется о мою белую рубашку, от этого твои соски твердеют еще сильнее. Зря я не снял пиджак. Нет, милая, сейчас ты не кончишь. Я уже чувствую, как ты близка. Убираю пальцы из твоих мокрых трусиков и чувствую, как ты вздыхаешь. Не расстраивайся, милая. Но если ты кончишь, ты будешь слишком расслаблена.

— Профессор, пожалуйста.

Ты шепчешь мне куда-то в шею и оставляешь мокрые следы от языка на моей коже. Совсем недавно мисс Престон вытирала оттуда каплю крови. Ты начинаешь расстегивать мой ремень и брюки дрожащими руками, молодец, милая. Ты на верном пути. Мне в них уже слишком мало места. Приходится помочь тебе спустить ненужную одежду с себя, я откидываюсь на спинку сидения и даю тебе возможность рассмотреть все то, что скоро будет в тебе до последнего миллиметра. Скорее всего тебе будет немного больно, но ты привыкнешь. Дейзи так завороженно смотрит на мой член, облизывается и начинает склоняться вниз, чтобы повторить сегодняшнее утро. Не сейчас, милая, у меня нет на это времени, возможно в другой раз. Приходится остановить тебя за тонкие плечи, а ты так обиженно поджимаешь губки. Я помогаю тебе залезать ко мне на колени, и ты хочешь уже почувствовать меня в себе. Я чувствую, как ты трешься чёрным мокрым кружевом о член, я опять тебя останавливаю. Не так, милая.

— Я пью таблетки.

Шепчешь ты, но мне, признаться, все равно.

Доверие — не моя сильная сторона.

Из внутреннего кармана пиджака я вытаскиваю презерватив, быстро вскрываю упаковку и надеваю его. Ты же не думала, что я буду заниматься с тобой незащищенным сексом, милая? Хотя, конечно, ты именно так и думала. Я отодвигаю твои мокрые трусики в бок, незачем их снимать. Одной рукой я придерживаю член, другой твое плечо, немного подталкиваю тебя. Давай, милая, ты давно готова. Твои тонкие пальчики сминают плечи моего пиджака и

ты медленно опускаешься, сантиметр за сантиметром. Сейчас мне нравится твоя сдержанность, я чувствую, как заполняю тебя изнутри, ты узкая и горячая. Мне нравится. На секунду ты замираешь.

Ты думаешь, это все?

Нет, милая. Приходится еще раз подтолкнуть тебя вниз, чтобы ты смогла ощутить всего меня.

— Ох!

Тихо слетает с твоих пухлых губ. Нужно отвлечь тебя от непривычного для тебя размера. Я зарываюсь левой рукой в белокурые волосы и притягиваю Дейзи к себе. А вторая рука уже опять начинает массировать возбужденный клитор. И теперь я ловлю губами твои стоны. Боль перемешивается с удовольствием для тебя, и ты не контролируешь глубину, а я стараюсь войти как можно глубже, до самых яиц.

Да, вот так я люблю.

Ты хорошо двигаешься, милая, а я умело контролирую степень твоего удовольствия. Твоя искусственная грудь уже трется о мое лицо, но даже это сейчас меня не отвлекает.

Ты весьма хороша. Мне нравится. Все так, как я и рассчитывал. Но больше нет времени. Пора, милая.

Я ловлю сосок зубами и кусаю, причиняя явную боль, но не в том состоянии, в котором ты сейчас.

— О Боже, профессор.

Ты в эйфории. Я наматываю твои волосы на кулак и натягиваю их на затылке. Для тебя это был лишь сигнал к финалу. Я чувствую, как твои горячие стенки влагалища начинают сжиматься вокруг меня. Хорошо, милая. Последний нажим пальца на клитор, и я смотрю в твои глаза. Не замечал, что они у тебя зеленоватые, но сейчас я чувствую не просто оргазм, я чувствую твой аромат. Ты вкусно пахнешь, когда кончаешь. В твоих глазах то, за что я люблю секс. Обожание, восторг, эйфория. Я кончаю вслед за тобой, и ты точно чувствуешь, как я пульсирую в тебе.

Молодец, милая, мне понравилось. Ты точно теснее Розы, но она более изобретательна.

Приходится помочь тебе подняться с себя, ты будто и не собиралась вставать. Ты садишься рядом и не двигаешься, лишь откидываешь голову на черную кожу салона.

Будто вновь посидел в кресле Розы.

Я уже привел себя в порядок, а ты только сейчас открываешь глаза, которые заволокло пеленой наслаждения. Надеюсь, ты не будешь говорить, как тебе понравилось. Я и так это вижу, твое сердцебиение еще не пришло в норму, оголенная грудь часто поднимается в такт твоему дыханию. На лбу виднеется

испарина, а сиденье испачкано твоей смазкой.

Нужно отдать машину в химчистку.

— Профессор.

Твой шепот почти возбуждает.

— Да, милая?

Не говорите маме? Поднимитесь на чай? Когда повторим? Давай, удиви меня.

— Пожалуйста, не проболтайтесь маме о нас. У меня после истории с Вегасом и Софи натянутые с ней отношения.

О, милая, о нас. Как прекрасно это звучит из твоих уст. Особенно зная, что нас нет. Не было и не может быть. Ты слишком бестолковая, чтобы могла заинтересовать меня иначе, кроме как в сексе. А вот история о мисс Престон заставляет меня задуматься, что две блондинки делали в Вегасе.

— Не беспокойтесь, мисс Миллер, не в моих правилах болтать.

Тебе пора, милая. Меня ждет тело в морозильнике для рыбы, которое сегодня нужно уничтожить. Плюс, я все еще планирую найти серийного педофила. Я даже придумал наказание для него, весьма специфическое для меня. Но я уверен, оно того стоит.

Ну вот зачем ты тянешь ко мне свои губки, будто мы лежим в постели после ночи любви? Мы же просто трахнулись на заднем сиденье.

— Может поднимемся?

Как ожидаемо.

— В другой раз, мисс Миллер, сейчас у меня дела.

Тебе точно понравилось то, что я сказал. Теперь в тебе будет жить надежда, что этот раз был не единственным.

— До скорого, профессор.

Она быстро поднимает топ, а соски все еще выступают через ткань. Я знаю, милая, что тебе хочется еще. Ты уже дернула за ручку двери, приоткрывая ее, но опять оборачиваешься. Я на самом деле спешу. Ты не скажешь мне ничего нового.

— Профессор, это был лучший секс в моей жизни.

На заднем сиденье авто? Серьезно? Иди уже, прими душ. Я знаю, что тебе понравилось, но я просто контролировал твой оргазм. С кем ты спала до этого? С мисс Престон?

Она не дожидается ответа, что радует меня. Что я должен ответить на такое? Пожалуйста? Спасибо? Вы были тоже неплохи?

Дейзи скрывается за дверью своего дома, а я пересаживаюсь на водительское сиденье.

Сейчас меня ждет господин Стоун и серийный педофил. Одного я планирую утопить в заливе, а второго найти и предать казни чужими руками.

Ведь у всех всегда есть выбор?

Уныние

А вы знали, что мне пришлось оформить лицензию на рыбалку, чтобы иметь возможность избавиться от мистера Стоуна, да и не только, во Флориде? Я официально могу выходить в открытый океан в любое время суток. Но меня, конечно, интересует только ночь. Я выбрал один из самых простых способов избавления от ненужных тел. Идеально — кремация. Полное отсутствие улик, но я не хочу связывать свою жизнь с сжиганием покойников, а случайно стать владельцем печи — невозможно. Даже на сжигание людей нужна лицензия.

Я выбрал самый незаметный — рыбалка. При должном утяжелении мистер Стоун будет покоиться под толщей ледяной воды. В самом глубоком месте залива глубина достигает почти двух километров, а температура воды не повышается даже в самую жаркую погоду выше 1,7 градуса по Цельсию. Обычные водолазы не спускаются на такую глубину, а поисковым отрядам тут нечего искать.

Вскоре после смерти внутри трупа начинают орудовать бактерии, что вызывает накопление газов, и тело всплывает на поверхность как пробка. И так и случалось бы, если бы не температура. Низкая температура не позволит бактериям раздувать тело, а груз не позволит ему перемещаться.

Смотря, как мистер Стоун в черном плотном целлофане с утяжелителями внутри погружается под толщи воды, я не чувствую удовлетворения. Я чувствую лишь гнетущую скуку…

А вы знаете, какой это грех?

Верно, уныние. *Состояние апатии.*

Но скажу вам честно, я принял все свои грехи. И это — не самый страшный их них.

Я давно надел на себя «маску приличия» и изображаю обычного человека. Который занимается спортом, следит за здоровьем и внешним видом, аккуратно выбривает короткую бороду каждые три дня и ведет книжный клуб по пятницам. Если бы Вы встретили меня на улице, в аудитории, в постели, подумали бы вы, что я отрезаю веки тонким скальпелем?

Я знаю ваш ответ: нет.

Я не убиваю невинных. Перед тем, как вколоть необходимую дозу транквилизатора М-99 (более известное его название — эторфин) для животных, я знаю всё наверняка. Моя цель — убийца.

Для того, чтобы подумать о возмездии, должна быть веская причина. Я не убью человека, если он сбил кошку на улице Майами.

Нужно четко владеть своими эмоциями в любой ситуации. В сексе, на лекции, с ножом в руках. Эмоции — они затуманивают всякий разум, как и чувства.

Я предельно внимателен. Не оставляю за собой никаких следов и зацепок.

Ничего. Даже то, что я составляю психологические портреты для полиции, не приведет блюстителей порядка ко мне, на них работают по меньшей мере десять человек в этом направлении.

И главное, не вмешивать в работу личные интересы. Никогда. Это туманит разум и притупляет внимание.

Сегодня был долгий день, мне необходимо принять теплый душ и перелистать последний раз материалы дела по серийному педофилу, которые я собрал лично. Мне удалось вычислить примерное место его нахождения. Осталось проверить четыре возможных адреса. Но сейчас мне необходимо восстановить силы. Во время охоты на мистера Стоуна я не спал более сорока восьми часов.

Два дня пролетели в обычном режиме, после лекций я осматривал дома, которые подходили под описание. Для того, чтобы моя машина не попала на камеры, приходилось брать семейные автомобили в аренду с залогом без подтверждения документов. Давно я не ездил за рулем «таких» авто. Весь салон пропах сигаретным дымом, а в обивке сидений отчетливо виднелись точечные разводы от семенной жидкости. В этом автомобиле определенно предавались греху, и не один десяток раз. Но сейчас это было неважно.

Я подъехал к последнему объекту наблюдений. Тут было все, как нужно. Неприметный светлый дом с невысокой крышей, объявление об аренде было закрыто неделю назад. По описанию и фото с сайта агента, в доме есть подвал и удобный проход к дому через гараж.

Дом находился в неблагополучном районе, количество совершенных преступлений тут превышало среднее значение по штату на тридцать процентов. Шанс быть убитым, ограбленным или стать жертвой насильника здесь был значительно выше, чем в районе в десяти минутах езды. Из-за этого дом сдавался по сниженной стоимости.

Вы же помните, что наш объект не работает и находится на обеспечении государства?

Я уже рассказывал, что киношные злодеи предпочитают броские авто, мой же объект — настоящий. Он не рассекает по улицам Флориды с громкой музыкой в черном кожаном плаще. Он тихий обыватель жизни, серое существо, которое с детства наслаждается тем, что растравляет детей. В начале он угрожал и заставлял жертв молчать. Но с возрастом потребности его стали меняться. Ему становилось мало разовой акции, ему стали нужны объекты его насилия в беспомощности. В страхе. Неделями лежащие на холодном полу подвалов.

Полицейские после составления портрета начали обыскивать дома, сданные недавно. Но проблема заключалась в том, что в начале учебного года спрос на аренду вырос многократно. Знаете, как я нашел этот дом? Рядом нет учебных заведений, ближайшая автобусная остановка в паре километров. Этот район идеален, чтобы скрыться от глаз. Этот дом идеален, чтобы в нем находились двое похищенных детей и один педофил.

Наручные часы подсказывают мне, что время приближается к полуночи. Значит, если сегодня я добьюсь успеха, ближайший сон будет не скоро. Но в

начале нужно проверить дом. На этой улице даже освещение не работает — для меня это идеально. Чтобы знать наверняка, мне придется покинуть автомобиль и осмотреть дом. В этот момент я чувствую трепет. Будто я хищник, который загнал в угол падальщика. И я не буду пожирать плоть своей жертвы, я охочусь только ради удовольствия.

Вы любите дельфинов?

Скорее всего — да. Вам нравится, как они прыгают в кольцо и держат мяч на носу.

На самом же деле, они убийцы. Хищники. Среди них можно встретить настоящих подонков.

Все, как у людей.

Есть определенный род дельфинов — Афалины, они могут иногда убивать и мучать морских свиней просто ради развлечения. Они не едят их и не пытаются прогнать со своей территории, а просто избивают до полусмерти и не дают дышать, пока те не умрут. Также некоторые дельфины-самцы насилуют как самок, так и коллег-самцов, не говоря уже о других видах.

Вы все еще любите дельфинов?

А некоторые обезьяны также способны на асоциальное и откровенно безумное поведение, схожее с подобным у людей.

Дельфины-насильники и шимпанзе с психологическим расстройством.

Я уже смотрю на дверь гаража с облупленной белой краской. Даже естественного освещения луны достаточно, чтобы увидеть обшарпанные стены здания. Я надеваю черные кожаные перчатки, а на голове уже темный капюшон. Мне не нужно, чтобы меня узнали, и не нужно оставлять свои отпечатки на месте преступления. Этот дом будут проверять вдоль и поперек.

Я научился вскрывать дверь отмычками еще в детстве, сбегая из детских домов. Бесспорно, это один из полезнейших навыков. Тихо. Без лишнего шума. Без ключей.

Замок тихо щёлкает, но если надавить на замочную скважину в момент открытия, щелчок почти не слышен. Дверь открывается без скрипа, за что я благодарен сейчас. Лишний шум мог бы привлечь ненужное внимание. Дальше я переступаю порог гаража и прикрываю за собой дверь не до конца, чтобы был путь к отступлению. Приходится включить фонарик.

И вот она. Машина не из рапорта полиции. Очевидцы ошиблись с маркой авто, и уже не первый год ищут не ту машину. Цвет указан верно, хоть тут они не прокололись. А если я вижу эту машину, значит в доме находится тот, кого полиция ищет, обыскивая каждый уголок Майами. И сейчас я познакомлюсь с ним лично. Если он еще тут, значит дети, которых он похитил недалеко от средней школы, еще живы. И я не знаю, радоваться за них сейчас или нет. Это воспоминание будет жить с ними, они будут просыпаться с мыслями об этой неделе. Засыпать с включенным светом. Сорок семь процентов детей не справляются и не могут жить дальше. И сейчас я не могу радоваться за них. Их

ждет слишком длинный путь реабилитации. И возможно, через тридцать лет они будут ездить на бежевом авто и снимать дешевый дом с подвалом. Чтобы наслаждаться властью, которой их лишили сейчас.

Водительские права на имя Джозефа Эдварда Дункана*. Родился двадцать пятого февраля одна тысяча девятьсот восемьдесят третьего года в городе Такома, штат Вашингтон.

Ну, здравствуй.

Сегодня нас ждет увлекательное путешествие в месть. Сегодня я впервые дам людям выбор в совершении наказания.

Ведь у каждого есть выбор?

Примечание к части

*Джозеф Эдвард Данкан III (англ. Joseph Edward Duncan III; 25 февраля 1963 — 28 марта 2021[1]) — американский серийный убийца и педофил, осуждённый за убийство целой семьи Грёне (Groene). Был признан одним из самых жестоких серийных убийц в истории Айдахо.

Эстетика в виде клипа: https://www.instagram.com/p/CPdFTE1qlBD/?utm_medium=copy_link

Гнев

Сегодня я покажу людям их истинное лицо. Я покажу, что они не готовы к прощению и смирению. Сегодня я покажу им, что в душе каждого человека живет жажда мести. Сегодня я раскрою реакцию, которая выражается в недовольстве каким-либо действием или негодованием, возникающим у человека в результате действий «нашего» педофила. Праведного гнева с последующим стремлением устранить этот объект.

Но может ли быть гнев праведным? Иудеи считают, что если гнев возбужден чувством справедливости при виде совершающегося преступного действия, то он похвален, и это есть поступок праведных. Вы верите иудеям?

Сегодня будет жарко.

Времени осталось все меньше до рассвета, а именно до пятнадцати минут седьмого. Мне нужно провести все манипуляции, задержусь хоть на минуту — буду пойман с поличным. В моей голове уже давно сформировался план возмездия, я спланировал место, время и единственное, чего мне не хватало — это действующего лица. И сейчас появится звезда сегодняшнего зажигательного представления. В первый раз я решил изменить своим правилам, в первый раз я буду организовывать *казнь.*

Мне приходится выключить фонарик, он может привлечь лишнее внимание, я всерьез задумываюсь о приборе ночного видения для таких случаев. Аккуратно переступаю, стараясь не издать ни звука. Мне не нужно, чтобы господин Дункан* узнал, что сегодня у него нежданные гости. В правой руке зажат шприц с транквилизатором, я немного увеличил дозу, не зная точной массы, но при среднем телосложении объект будет в отключке три часа. Этого времени мне хватит, чтобы довести объект до нужного места и состояния.

Затхлый воздух ударяет в нос.

Омерзительно.

В доме пахнет экскрементами, плесенью и спермой. Это не тот запах, который я люблю, тут нет запаха страха, тут нет запаха удовольствия. Тут лишь смрад. Вдыхая его в свои легкие, я в очередной раз удостоверился, что принял верное решение о возмездии. Небольшой дом с кухней-гостиной, в комнате темно, нет и намека на освещение. И сейчас меня ждет два развития: педофил занимается своим любимым делом или спит. Я, конечно, надеюсь на сон, не хотелось бы появляться в подвале и показывать свое лицо детям, это не входило в мои планы. Никто не должен меня видеть. Около лестницы на второй этаж неприметная дверь с двумя навесными замками. Процент того, что я нашел верный дом, стремительно приближается к ста. Обычно люди не вешают по два замка на подвал, если им не нужно никого удерживать. В доме полнейшая тишина, и раз замки на месте, значит господин Дункан точно отдыхает.

Быстро поднявшись на второй этаж и выбрав из двух дверей нужную, я чувствую, как волнительный трепет пробирается под кожу, я чувствую адреналин, который начинает обжигать мои вены, даже смрад, стоящий в доме, не может помешать мне наслаждаться охотой сейчас. Я уже представляю, как буду плавно и медленно отрезать веки тонким скальпелем. Я буду видеть страх

в глазах, которые скоро сгорят в праведном огне.

Опьяняющее чувство.

Но приходится немного отложить эмоции, сейчас мне нужно переступить порог спальни, обнаружить мужчину и вогнать острую иглу под тонкую кожу на шее.

Дверь открывается беззвучно, несомненно, это удача, в таких домах, как правило, скрипит каждая петля. Легкий свет от луны освещает маленькую спальню. Небольшая кровать, а в центре не прикрытый одеялом на животе лежит мужчина. Из одежды на нем лишь белье и носки. Мне заранее неприятно к нему прикасаться, будто я буду трогать падаль. Но ведь так и есть? Его нельзя назвать человеком. Даже животные более гуманны к детям, чем он. У животных не встречается такого отклонения, у них нет возраста сексуального согласия и законов, по которым можно было бы отнести кого-либо к педофилам, совратителям и насильникам, соответственно, и педофилии как таковой не существует. До полового созревания детёныша трогать его никто не будет. Получается, животные адекватнее некоторых людей?

Я обхожу кровать и смотрю на него: черные усы виднеются из-под подушки, на голове темные кучерявые волосы. Белье, надетое на нем, возможно когда-то было белым, но точно не сейчас. В комнате пахнет дешевыми сигаретами и потом. Весь дом просто пропитан гадкими ароматами. Мужчина спит, и выглядит он совершенно невинно: густые усы подрагивают, будто ему снится хороший сон, и сам он улыбается.

Что же тебе снится, Дункан? Финал? До которого осталось меньше шести часов.

Рассматривать его у меня больше нет ни желания, ни времени, я быстро подношу острие иглы к шее и ввожу дозу транквилизатора М-99, который продается в любом профильном магазине для животных. А мужчина даже не шелохнулся и не проснулся.

Каково будет твое удивление, когда ты проснёшься на моем столе?

Я уже предвкушаю его пробуждение. Но до этого нужно слишком много сделать. Я не знаю, живы ли дети в подвале. С девяносто процентной вероятностью могу сказать, что да. Иначе господин Дункан уже искал бы новый дом для проживания, он часто менял место жительства. И часто после него оставался след из детских трупов. Но сегодня будет только один — его. Приходится закинуть мужчину на плечо и медленно спустить по лестнице на первый этаж. Я не предусмотрел момент, что мне нужно подогнать машину к двери гаража.

Не тащить же тело в отключке через двор и часть улицы?

Приходится бросить его на пол и, не включая фар, подогнать арендованное авто. Я предусмотрел, что в машине сегодня может оказаться тело, и тщательно застелил багажник универсала целлофаном.

Закинув мистера Дункана в отключке в автомобиль, я в последний раз смотрю на дом. Больше я его не увижу, как и этот район. Уже отъезжая от

объекта, я собираюсь сделать небольшой крюк. Знали ли вы, что можно отследить ближайшую вышку, с которой был совершён звонок, даже с одноразового телефона? Отъехав на нужное расстояние, чтобы максимально отвести подозрения о своем маршруте, я достаю одноразовый сотовый телефон и набираю 911, немного прикрыв трубку рукой, я жду, когда на другом конце мне ответят.

— Авенида Ривадавия сорок четыре, нужна полиция и скорая. Скорее.

Звонок сброшен, а телефон отправляется в окно, когда я проезжаю по мосту. Это был первый и последний звонок, совершенный по нему, теперь он бесполезен и покоится на дне реки Сент-Джонс.

До того, как проснется господин Дункан, осталось около двух часов. За это время мне нужно добраться до своего укрытия, положить тело на стол, подготовить его и подготовиться самому.

Господин Дункан удобно устроился на столе, сегодня я отошел от своих правил, и мужчина не связан строительным скотчем. Мне не нужно, чтобы на теле остались даже намеки на липкую ленту, не смотря на то, что в конце *не останется ничего*. Но мне нужно быть аккуратнее. То, что я планирую провернуть, требует максимальной внимательности, нельзя оступиться даже на дюйм. Руки и ноги Джозефа сегодня удерживаются наручниками. Единственное место, которое я все же закрепил, это голова, я же не хочу поранить глазные яблоки, тогда он ничего не увидит. Я уже вижу, как подрагивают веки, которых мужчина скоро лишится. Я вижу, как он начинает чаще дышать. Я даю вам тридцать секунд, господин Дункан.

Этот прекрасный момент, как же я доволен, что смог найти его спящим, видеть сейчас эту реакцию подобно оргазму. Тело начинает дергаться и пытаться вернуть себе власть над ситуацией.

Но тут у тебя нет власти. Сегодня ты в моем мире, сегодня ты будешь эксклюзивным гостем на моей вечеринке возмездия.

Мужчина натягивает цепи наручников, ну нет, можешь даже не стараться, от этого стола можно освободиться, только если ты отгрызёшь себе руку. Но это невозможно. В истории есть только несколько подтверждённых фактов ампутации руки в полевых условиях, но даже устранив мягкие ткани, не будет же он перегрызать себе кость? Это физически невыполнимо.

А Джозеф все натягивает цепи, очень наивно. Хорошо, что я заклеил ему рот. Представляете, сколько сейчас было бы крика, а так лишь мычание. Сегодня я не буду лишать его голоса. Сегодня ему нужно кричать максимально громко. Его ждет один билет на горячий экспресс до ада, которой начнется уже на земле, но это немного позже.

— Доброе утро, господин Дункан.

Я не надеюсь, что он ответит, но я хочу, чтобы он понял, что тут главный я. Сегодня у него нет власти. И он успокаивается, больше не натягивая цепи наручников. Хороший мальчик, так-то лучше. Он что-то мычит, но конечно, ничего не понятно. Но мне и не нужно. Рывком я срываю серый скотч и смотрю, что лишил мужчину некоторой части усов. Ну что ж, бывает.

— Прошу вас, отпустите меня, я не хотел, я больше не буду, пожалуйста.

Я уже пожалел, что сорвал скотч. Но мне нужно было в последний раз убедиться. Мне нужно было, чтобы он признался.

— Давно ли ты этим занимаешься, Дункан?

Я думаю, что лет с пятнадцати. Это самый распространённый возраст, когда демоны выбираются наружу. Редко кто может удерживать их в себе. До пятнадцати лет эти демоны дремлют.

— Прошу вас, отпустите меня.

Не люблю эти бестолковые неконструктивные диалоги.

— Я повторюсь: давно ли ты этим занимаешься, Дункан? Отвечай.

Вот он этот момент. Он понял, что его тайна раскрыта. Сейчас он будет торговаться с самим собой. Рассказать или нет. Но если рассказать, это признаться в преступлении, а если молчать, не ответить на вопрос человека, который тебя раздел и приковал к металлическому столу. И что будет с тобой дальше?

— Первый раз в шестнадцать лет.

Молодец, хороший мальчик.

— Продолжай.

— Я украл пистолет своего отца, подкараулил соседского пацана, отвел его под предлогом пострелять по тарелочкам в тихое место за прудом, где насиловал несколько часов, наведя на него дуло незаряженного пистолета, — он замирает, а я вижу, как по его щекам стекают слезы. Вы думаете, он сожалеет сейчас? — Но за это преступление я не получил наказания, так как пригрозил мальчику, что если тот кому-то расскажет о случившемся, то очень пожалеет, и я найду его и его семью и вышибу им мозги. Теперь вы отпустите меня?

Он сожалеет лишь о том, что его поймали.

— Нет, Дункан, я не отпущу тебя.

Я не намерен лгать.

— Вы…вы убьёте меня?

— Нет, не я убью тебя.

— Я больше не буду, простите меня.

Это начинает утомлять, я уже не чувствую того азарта, который ощущал, стоя за дверью спальни в доме. Там я был охотник, а сейчас будто я поймал крысу.

Отвратительно.

Я отрезаю скотч и заклеиваю рот обратно, я больше не намерен слушать его оправдания, будто такие люди могут измениться. Завести детей и семью. От одной этой мысли становится смешно. Господин Дункан — болен. И его не излечит ничего, это просто невозможно. Его демоны уже давно не дремлют, он выпустил их и проиграл. Он не может контролировать эрекцию, когда видит объект своего вожделения.

Вы знаете, что такие как Джозеф, любят гулять в парках вблизи с детскими площадками. У них в кармане почти всегда есть конфетка. И смотря в невинные глаза ребенка, он чувствует *это*. Как его демоны выбираются наружу, разрывая его плоть изнутри, выжигая душу и заполняя горячую кровь желанием, и он сдается. Тогда, в пятнадцать лет, он наслаждался криками и страхом, он возбуждался от власти, которая была у него в руках вместе с оружием. А сейчас в его глазах страх, но все еще не принятие.

Ты еще надеешься выбраться?

Но сегодня у него будет шанс. Сегодня будет предоставлен выбор.

Он так неприятно визжит, будто передо мной не мужчина, а свинья. Это определенно отвлекает меня, но точно не сбивает с размеренных действий. Времени остается все меньше.

— Господин Дункан, вы знали, что усопшему, исходя из мифов, клали на глаза монеты, чтобы он смог заплатить паромщику Харону, который переплавлял его в Царство мертвых через реку Стикс?

Конечно, ты этого не знаешь. Откуда тебе это знать, если единственное, что ты знаешь — это запретная похоть. Я наклоняюсь к его лицу и смотрю в его карие глаза. А они полны страха и слез. Какой же ты слабый, Джозеф, я еще ничего не сделал, а ты уже плачешь. Но, как я и говорил, время поджимает, сегодня я не получу удовлетворения.

Сегодня его получу не я.

Примечание к части

Я решила разбить действие на 2 главы. Следующая уже пишется.

* Джозеф Эдвард Данкан III (англ. Joseph Edward Duncan III; 25 февраля 1963 — 28 марта 2021[1]) — американский серийный убийца и педофил, осуждённый за убийство целой семьи Грёне (Groene).

Примечание к части Автор рекомендует отказаться от пищи во время чтения главы. Описаны сцены чрезмерной жестокости.

Чужой гнев

Господин Дункан кричал слишком громко. Вы знали, что крик является распространённой физиологической реакцией организма на стресс или боль? Исходя из этого определения, можно подумать, что дискомфорт, который я причинял сейчас, был максимальным. Но это даже не половина того, что ожидает Джозефа. Если бы он знал, то молил бы не о том, чтобы я остановился, а о смерти. Быстрой смерти.

Слишком громко для меня, я предпочитаю работать в тишине. Но в момент, когда я отделял нежную кожу век от тела, смотря, как глаза господина Дункана, заполняются слезами, смешиваясь с кровью, совсем не обращал внимания на его вопли. Несколько секунд мне было все равно на то, как дрожат его конечности, как пальцы пытаются ухватиться за воздух и найти там спасение. В пустоте. Я наслаждался его агонией, его страхом и болью. Сейчас хоть немного, но он испытывает то, что причинял людям многие годы. Сейчас он в моей власти.

Я только начал, *мы* только начали.

В мои планы не входило причинять боль, я лишь сделал то, что делал всегда. Заставлял человека смотреть до конца, не давая закрыть глаза. Сегодня господина Дункана ждет поистине теплый прием, сегодня я покажу людям их темные стороны, потревожу их демонов, приоткрою дверь, освобождая тьму каждой души.

Сейчас в багажнике арендованного авто лежало тело в отключке, я уменьшил дозу транквилизатора М-99, мне нужно, чтобы Джозеф чувствовал все ровно через два часа. В багажнике лежал строительный степлер, стопка газетных вырезок о содеянных им преступлениях в других штатах, я выбрал самые сочные кадры и фотографии похищенных детей. Последний раз посмотрев на тело, обращая внимание на глазные яблоки, которые закатились и сейчас были просто белыми и пустыми.

Даже если сегодня господин Дункан выживет, зрения он лишится. Невозможно постоянно поддерживать необходимую влажность слизистой оболочки. Даже с нужными каплями, которых у него точно не будет.

Но я готов поставить свою свободу на кон, я готов рискнуть. Ведь если Джозеф выживет, он сможет опознать меня. Но если он останется жить, значит я не угадал. Значит в людях нет тьмы. Нет праведного гнева. Скоро я узнаю, скоро все мы станем зрителями зажигательного шоу в цирке греха.

Я подробно изучил место нашего представления: сегодня мы посетим Майами Джэксон Сениор Хай Скул. Средняя школа с большим парком на территории. Отсюда были похищены последние жертвы.

Родителей детей, которые были в подвале, не оповестят о спасении, пока не установят личности. На это уйдет около шести часов. А это как раз нужное время для финального аккорда. К школе ведет небольшой сквер, который закрыт в ночное время, с небольшой асфальтированной дорогой. Камер на моем

пути нет, но я все же решил перестраховаться. Надев кепку с длинным козырьком и капюшон. Мой внешний вид был отвратителен, я походил на плебея, но сегодня я не могу надеть выглаженную белую сорочку. Это слишком привлекает внимание.

Ровно в шесть часов утра открывается доступ в сквер, я же проеду через второй вход, который открыт двадцать четыре часа в сутки, но он не пользуется популярностью, так как находится не со стороны города. Времени остается все меньше, не люблю опаздывать, а сегодня это неприемлемо. Заминка будет стоить мне свободы, а в следствии чего — и жизни.

Господина Дункана опять пришлось нести на плече, до его триумфа осталось совсем немного времени. Небольшой рюкзак со всем необходимым и голое тело на плече. Скажу вам честно, это самое омерзительное, что я делал — носил человека на плече. Я очень пожалел, что не завернул его в простынь. Но сейчас уже нельзя тормозить. На территории Майами Джэксон Сениор Хай Скул есть футбольное поле, которое почти не используется, сюда не заходят ученики, но рядом беговой трек. В шесть утра по Майами, как только старый сторож открывает замок, на территорию сквера забегают около тридцати человек. Сегодня, если я все просчитал и родители еще не узнали, что их дети живы, они будут тут.

Я всегда восхищался людьми и их любовью к своему телу, их желанием сделать его выносливее, сексуальнее, загорелее даже в самые темные периоды их жизни. Но сегодня это мне на руку.

Господин Дункан уже прикован наручниками к столбу. Пришлось постараться, чтобы тело без сознания не упало на землю. Проблема в том, что даже облив человеческое тело бензином и кинув спичку, оно не будет гореть до конца, пока не останется кучка пепла. Увы это работает только в фильмах. На деле же тело перестанет полыхать, как только испарятся горючие материалы. Шанс выжить при поджоге весьма высок, что не входит в мои планы. Мне приходится установить дозатор с бензином, который будет медленно капать на Джозефа. Создавая непрерывный источник топлива, медленно подливавший горючее. Последние штрихи: мне пришлось написать табличку на куске картона, стараясь максимально изменить свой почерк. Прибить газетные вырезки строительным степлером по нужной территории, которые приведут бегунов к представлению. Несомненно, крики тоже привлекут внимание.

И финальный аккорд, который заставит Джозефа проснуться. Надпись на табличке красным маркером и крупным шрифтом гласит: «Я насиловал ваших детей». Табличка в комплекте с нужными фотографиями и статьями должна сработать как красная тряпка на быка.

Я подношу табличку к груди мистера Дункана и закрепляю ее двумя ударами строительного пистолета. Как только первая скоба разрывает плоть, а осознание боли доходит до мозга, Джозеф приходит в себя. Я уверен, что сейчас ему очень дискомфортно: слизистая оболочка глаза высохла, он почти ничего не видит, но мне нужно, чтобы он видел каждое лицо, видел выбор каждого человека. Я отхожу на пару шагов и становлюсь зрителем премерзкой картины, наблюдая, как испражняется Джозеф. Страх, двойная доза транквилизатора; странно, что он не сделал этого раньше.

Сегодня я дам людям выбор: перед ногами господина Дункана лежат

несколько предметов. Одна часть из них может его спасти, вторая — убить. Посмотрим, что выберут люди.

Рот Джозефа все еще заклеен серой липкой лентой, сейчас еще рано ее срывать и привлекать внимание его воплями, остался финальный аккорд.

Разжигали ли вы костры с помощью бензина? Мое любимое — это когда сигаретным окурком поджигают топливо, увы, это так не работает. Бензин не загорится от простой сигареты, а вот от искр от нее может. Но сегодня я и так достаточно рискую, сегодня это зажигалка, канистра с топливом и ключи от наручников.

У человека всегда есть выбор.

Сегодня я предоставлю его. Они смогут освободить Джозефа, а смогут устроить ему казнь.

Как думаете, что выберут люди?

Я уже знаю ответ. Думаю, что нужно немного ускорить процесс. Я открываю вентиль от канистры, которая выпускает небольшие объёмы бензина на голову господина Дункана, и смотрю, как прохладная янтарная жидкость стекает в начале на голову, впитываясь в черные кучерявые волосы. Джозеф пытается кричать и зажмурить глаза, но увы, сегодня придется видеть все. Потом стекает медленными струйками по обнаженному телу, мужчина пытается освободиться от наручников, хочет выбраться, хочет жить.

А оставлял ли ты жизнь своим последним жертвам?

Нет.

В последний раз я проверяю все необходимое, вентиль перекрыт, табличка на груди закреплена и теперь тоже пропитана горючим топливом — мне это только на руку. Приходится закапать по паре капель Comfort Drops для увлажнения слизистой и очистки ее от бензина. Все принадлежности лежат на небольшом выступе рядом, зажигалка не пострадала, она сухая и готова к использованию. Клейкая лента отрывается от лица мужчины, делая его черные усы еще менее густыми. И в этот момент пронзительный вопль раздается на весь сквер. Но тебя не придут спасать, Джозеф. Сторож школы сегодня пьян, ему три дня подряд приносят по бутылке виски в начале смены от анонимного адресата. А вот бегуны, которые попали в сквер, уже приближаются, сейчас мы их увидим. Я последний раз проверяю, все ли убрал за собой.

— Прошу, Богом прошу! Отпустите. Я все осознал, я больше не буду.

Конечно не будешь.

Я не хочу вступать в диалог, сейчас мне нужно отойти на безопасное расстояние. Немного выше на стадионе есть закрытая судейская будка, ее стекла тонированы, что позволит мне наблюдать за горячим представлением незаметно. Я уже разворачиваюсь, чтобы удалиться, а господин Дункан все не перестает просить прощения.

Но зачем ты просишь его у меня? Вот придут родители, попроси у них.

Я незаметно ухожу. 6:10 — времени как раз хватит, чтобы дойти и устроиться поудобнее.

Забыл рассказать, я подробно изучил дело своей новой практикантки, я предпочитаю знать, с кем имею дело. Милой Софии двадцать четыре года, не была замечена ни в каких разбирательствах, ведет домашний образ жизни, страницы в социальных сетях пусты, есть некоторые упоминания о ее детстве, но после шестнадцати лет она будто пропала, будто данные о ней намеренно удалялись. Это возможно только при условии, что она проходила по закрытому делу в полиции. Но выяснить это мне не удалось. Но удалось найти ее медицинскую карту: в шестнадцать она обращалась за помощью с многочисленными ушибами и парой переломов. Но опять же, нет никаких сведений, чем они были вызваны. У мисс Престон есть брат, пара подруг и живые родители. А еще одно очень интересное совпадение: милая София каждое утро бегает по пять километров в этом сквере, и через минуту она и еще несколько человек окажутся тут.

Я прикрыл за собой дверь судейской, которой давно не пользовались по назначению, затхлый воздух ударяет в нос, но даже это не отвлекает меня. Сейчас я полностью поглощён представлением, я вижу, как первые бегуны появляются на дорожке, даже находясь на расстоянии, я отчетливо слышу крики Джозефа, как он просит прощения. Это идеальное представление. Первые три человека подходят, но я все еще не вижу мисс Престон. Мужчины сворачивают со своего обычного маршрута и поворачивают в сторону мистера Дункана, который привлекает их внимание.

Хороший мальчик, громче.

А он будто слышит и начинает вопить еще громче. Прибывшие люди не подходят к нему, а лишь передают газетные вырезки из рук в руки, смотря на сочные картинки из прошлого. Их неуверенность подкрепляется криками: «Простите, я больше так не буду». Будто это не взрослый больной мужчина с расстройствами, а ребенок, который разбил старинную вазу бабушки. А вот и София, давай, милая, не разочаруй меня, подтолкни толпу, разбуди их гнев, оголи их ненависть, пусть их поглотят их демоны.

Собралось уже около двадцати человек, они лишь стоят, они не подходят, они все еще боятся. Но все меняется в тот момент, когда они замечают фотографии пропавших, в эту секунду толпа перестает сомневаться. Им не нужно подтверждение полиции, им не нужен суд и разбирательства, сейчас они судьи, сейчас они одновременно демоны и боги с властью, которая хранится в пламени зажигалки. Я не слышу, о чем они говорят, я вижу их резкие движения, их напряженные спины, среди них только четыре женщины. Но одна отличается: ее белокурые волосы собраны в высокий хвост, а черные лосины обтягивают стройные ноги. Я смотрю лишь на ее поведение, как она обуздает толпу, как направит ее, я хочу, чтобы тьма, которую я увидел в ее голубых глазах, расплескалась, вырвалась наружу разрушающим потоком. София сминает одну из вырезок, я вижу, как ее спина напряжена, а рука с силой сжимает клочок бумаги.

Будто это личное.

Я вижу, как ее плечи немного дрожат, и в какой-то момент я не слышу, что

она говорит, но она будто отдает приказ, будто открывает запертые двери, она выпускает тьму. Трое мужчин подходят к Джозефу, я знаю, что они выберут. Один из них берет канистру и поливает и так облитое тело бензином, стараясь не упустить ни одного дюйма кожи.

Молодец, верный выбор.

Второй наклоняется и поднимает металлическую зажигалку. Жаль, из-за расстояния я не вижу страха в глазах господина Дункана, я уверен, он прекрасно пахнет, страхом вперемешку с топливом. Жаль, я не вижу его осознания, он до последнего думал, что выберется, что все его преступления сойдут ему с рук, он сможет заниматься этим вечно. Но сейчас заканчивается его эпоха. Сейчас, когда загорается огонь от кремня зажигалки. Джозеф пытается отвернуться, он больше не просит прощения, он понял, что его тут не простят. Мужчины делают шаг назад, и средний из них немного подбрасывая серебристый металл, броском направляет его к ногам педофила.

Он загорается будто рождественская елка, будто гирлянду вставили в розетку. Огонь моментально охватывает его тело. Волосы на груди, ногах и пахе расплавляются от высокой температуры. Говорят, что самая болезненная вещь — это сгорание заживо. Я не верю в эти сказки. Во-первых, нельзя проверить, во-вторых, человеческий организм отключается от болевого шока раньше, чем догорит, если догорит. Но в нашем случае — догорит. Люди подходят и под крики бросают газетные вырезки в огонь, будто стараясь увеличить пламя.

Уважаю такую находчивость.

Последний крик доносится до моих ушей, последний раз я слышу вопль и наступает тишина. Канистра сверху подает порции топлива, помогая огню не затухать. Сейчас я совсем не смотрю на господина Дункана. Сейчас я смотрю на расслабленные плечи милой Софии, будто она сожгла свои проблемы вместе с этим телом. Ее рука расслабляется и на траву падает скомканная газетная вырезка. Джозеф больше не кричит: тишина, прекрасная тишина, которую я так люблю.

София оборачивается и смотрит прямо на меня через тонированное стекло. Если бы она видела, то наши взгляды бы встретились. Я вижу, как она кивает, на губах появляется легкая улыбка. Мисс Престон разворачивается и первая покидает шоу, вслед за ней начинают расходиться остальные.

Примечание к части

Автор не призывает вас поступать так же. Будьте добрее и будьте счастливы)

Спасибо за лайк, комментарий и «жду продолжения».

Примечание к части Эстетика: https://www.instagram.com/p/CQgVhttpz9l/?utm_medium=copy_link

Гордыня

Сейчас я стою перед университетом и пытаюсь понять, где совершил ошибку. За моей спиной осталась автомобильная парковка, а я в последний раз поправляю ворот белоснежной рубашки перед тем, как встретиться с блюстителем правопорядка у входа в здание. Хоть он и одет в гражданское, его выдает внешний вид одежды, который не подходит под температуру местного субтропического климата. Черный, немного мятый пиджак, закрытые ботинки, которые покрылись пылью, и темные брюки. Мужчина уже два раза проверил наличие кобуры на поясе, тем самым выдав свою тревожность.

Все мое поведение не выдает легкой опасности, которая сейчас внутри. Я адекватно понимаю, что все было идеально, следов я не оставлял, свидетелей — тоже. Но чернокожий мужчина стоит у двери и встречает меня слишком напряжённым взглядом. Внутреннее веко немного дрожит, отчего на коже пульсирует венка под глазом.

Если бы они подозревали меня, то скорее всего меня бы ждал другой прием. С группой захвата и наручниками. Встречаясь глазами со мной, полицейский немного отводит взгляд.

Ты боишься.

Не знаю еще чего. Его брови немного подняты, но имеют прямую форму, их внутренние углы сдвинуты, и через лоб проходят горизонтальные морщины, карие зрачки немного увеличены.

— Профессор Рид, — я пожимаю немного влажную ладонь полицейского. — Детектив Стивенс.

Тучное лицо мужчины немного блестит от сального налета. А под его глазами мелкая россыпь выступающих черных родинок. Его внешний вид мне не нравится. А ладонь хочется протереть платком.

— Чем могу быть полезен?

Я не встречал его раньше, выходит, он не вел дела в Майами. Значит есть вероятность, что город жары и дорогого жилья посетил интересный субъект, который бежит от правосудия.

Мне это нравится. Отличное продолжение дня.

— Профессор Рид, давайте выпьем по чашке кофе. Я только с самолета и хотел бы промочить горло.

Странно, что он не оговорился и не сказал про виски. Откуда же Вы? За кем Вы бежите? Почему Вы с самолета пришли ко мне? Я не единственный во Флориде.

Но совершенно точно лучший.
А вы знаете, какой это грех? Чувствовать превосходство?
Верно.
Да здравствует гордыня.

Раскрытие преступлений, по которым я работал, составляет восемьдесят четыре процента. Остальные шестнадцать или безвестно пропали в недрах черного целлофана и океана, или сбежали.

— В моем кабинете есть кофемашина. Думаю, там разговор будет более уместен, чем в столовой.

Детектив кивает и молча следует до кабинета за мной. Когда я уже собираюсь открыть дверь, меня останавливает милая Роза.

— Профессор Рид, я бы хотела поговорить с Вами, — она осматривает детектива, но не понимает, кажется, кто это. — Наедине.

Хочешь спросить, трахнул ли я твою дочь? Хочешь, чтобы я трахнул тебя? Хочешь постоять на коленях, заглатывая мой член? Ну, давай! Скажи, чего ты хочешь?

— Миссис Миллер, если Вы не против, я бы хотел побеседовать с детективом.

Он не ждет, что я его представлю. Он, как и со мной, протягивает руку Розе и представляется. А я вижу, как она вытирает ладонь об излишне короткую юбку для ее статуса декана.

Мне нравится, что ты тоже любишь опрятность, но твоя одежда не возбуждает меня и не будет.

— Из-за моей небольшой командировки мы не обсудили план обучения. И Ваше поведение на лекциях.

Интересно. Твои губы поджаты, подбородок немного подёргивается. Ты пытаешься не заплакать? Мне так и не посчастливилось встретить Розу в университете. Она будто решила прогулять работу без причин. Но теперь я вижу, что они были. Дейзи рассказала о том, что я трахнул ее в машине. Захотела на ее место? Ревнуешь? Завидуешь дочери?

— Миссис Миллер, — вмешивается детектив, — я отвлеку профессора на не более, чем пятнадцать минут. Это касается Зодака*, — шепотом заканчивает он.

Зодак. Великая удача для меня, трагическое несчастье для Майами. Раз детектив тут, значит уже собрана оперативная группа по его поимке. Значит он объявился в моем городе. Идеальное утро.

Я ощущаю этот волнительный трепет, предвкушая ознакомление с делом и фотографиями с места убийств, которые доступны только тем, кто подписал соглашение о неразглашении. Как я буду пролистывать каждую страницу, наслаждаясь информацией, которая для меня откроется. Большинство сведений, который я мог получить, были из интернета, но там невозможно было найти его посланий в прессу и полицейские участки, не было фотографий с места убийств. Возможно, милая Роза, я загляну к тебе на десять минут, и не

только для разговора.

— Я зайду перед первой лекцией.

Она кивает и уходит. Короткая юбка и высокие каблуки. Чего же ты хочешь доказать самой себе? Что у меня встанет на тебя? Встанет. Мы уже проверяли.

Жестом приглашаю детектива пройти в кабинет. И пока он устроился на небольшом кожаном диване, я выступаю в роли бариста. И нажимаю кнопку на аппарате. Жужжание кофемашины заполняет кабинет. Я не спросил, какой кофе будет мистер Стивенс, я это уже знаю. Чтобы проснуться и поднять тонус, он пьет черный. А чрезмерные сальные железы на лице и обрюзгшая фигура выдают явную любовь к сладкому. Я ставлю белую чашку на кофейный столик и устраиваюсь в кресле для посетителей, чтобы детектив мог общаться на равных, не обращая внимания на разделяющий нас стол. До лекции остался час. А в планах еще появилась Роза, и мне бы очень хотелось посмотреть в глаза Софии без разделяющего стекла на стадионе. К моему удивлению, полиция молчит и о находке детей, и о возгорании господина Дункана.

— Профессор, по нашим данным, в Майами приехал человек, которого прозвали Зодак. Вы слышали о нем?

Что за бестолковые вопросы? Это нашумевшие дела, про них знают все.

— Убийца-мужчина, который орудовал в Северной Калифорнии, совершил тринадцать установленных нападений в Бениша, Вальехо, Напа и Сан-Франциско в период с декабря 2016 года по октябрь 2020 года, из которых двенадцать закончились смертью жертв. Он нападал на пары молодых людей, а также совершил убийство таксиста. В ходе преступлений использовал нож, пистолет и удавку.

Детектив перебивает меня. Очень невоспитанно.

— Он отправлял шифры в местные газеты, последний пришел вчера утром в местную. Вы слышали про это его увлечение?

Увлечение? Серьезно?

— После второго нападения он разослал серию издевательских писем в местные газеты, в которых использовал в качестве подписи псевдоним «Зодак» и специфический символ, напоминающий кельтский крест. Аналогичный символ он оставил на месте одного из преступлений в Вельехо. В письмах Зодак озвучивал угрозы новых убийств и намерение взорвать автобус. Письма также содержали несколько криптограмм, в которых, по словам убийцы, были зашифрованы данные о нём. Один из шифров якобы содержал имя преступника. Но они так и не распознаны. Он уже убил пару в Майами? Не так ли?

Я уже знаю ответ. Из-за этого СМИ не спешат рассказывать о малоизвестном педофиле, они ждут рыбу покрупнее.

А детектив отводит глаза и проводит толстыми пальцами по короткому ворсу волос.

— Да. Сегодня ночью он совершил нападение на молодую пару, они снимали

номер в мотеле, зарегистрировались на вымышленные имена. Документов при них обнаружено не было. Приехали они туда на такси в нетрезвом виде. С водителем расплатились наличными и оставили хороший чай. К нашей удаче, мужчина, на которого было совершено нападение, еще жив. Хоть и находится в тяжелом состоянии.

Второй промах Зодака. После первого был составлен примерный фоторобот, который ничего не дал, кроме перерыва в нападениях почти на год.

— Вы опознали жертв?

Все же решаюсь уточнить, хоть ответ очевиден.

— Нет, но мы работает над этим, — *конечно.* — Профессор Рид, мы бы хотели привлечь Вас к расследованию и пригласить быть консультантом оперативной группы.

Это и хорошо, и нет. Это даст мне больше информации, но и свяжет мне руки обязательствами — не юридическими, нет. Я буду на виду, каждый мой шаг будет оцениваться и отслеживаться.

— Мне нужно подумать, детектив Стивенс, и обсудить с деканом. Начало учебного года, большой объём работ.

Я лгу. Я соглашусь, но не так быстро.

Очень хочется закурить. Пропустить горький дым в легкие и на секунду задержать его в себе. Как жаль, что я бросил.

— Да, конечно, я понимаю. Но я настаиваю, чтобы Вы согласились. Возможно, Вас есть кому заменить на некоторое время?

Вот чего ты боялся в начале нашей встречи. Тебя послали уговорить меня. Но почему именно я? Из-за процента раскрываемости?

— Как я уже сказал, мне нужно обсудить это с деканом.

Возможно, находясь непосредственно в ней.

— Процент раскрываемости дел, в которых Вы участвовали, на сегодняшнее утро составляет почти девяносто процентов. Вам уже сообщили, что похищенных детей, по делу с которым Вы работали, нашли? Они в порядке.

Они не в порядке, мистер Стивенс, и с вероятностью более шестидесяти процентов не будут никогда. Один из них, с вероятностью тридцать семь процентов, попробует наложить на себя руки, когда станет старше. Второй будет переживать эту неделю своей жизни вечно. Он или станет следующим господином Дунканом, чтобы ощущать власть в своих руках, или будет сидеть на психотропных веществах и разговаривать с голубями в парке. Их спасение — оно не освободило их от ужаса. Они не в порядке.

— Рад слышать, не видел этого в новостях.

Детектив немного проводит пальцем по кончику носа, будто почесывая.

Готовишь ложь?

— Там новые обстоятельства, которые пока что не разрешено освещать в СМИ. По поводу Зодака, Вы бы могли высказать свои мысли на его счет сейчас? Может, у вас есть гипотезы, возможно по поводу его жертв.

Без документов по делу, без фото с места преступления? Без опознания жертв? Я не фокусник, мистер Стивенс. Будто прочитав мои мысли, мужчина вынимает небольшой планшет из внутренней части пиджака, открывает на нем некий файл и протягивает мне.

— Листайте слева.

Что я и делаю. Обнаженная рыжеволосая девушка, которая лежит на бежевом ковролине, пропитывая его кровью. Яркие картины на стене мотеля, дорогое белье на кровати. Это не дешевая ночлежка, это хорошее и дорогое место, просто на окраине города. Лицо девушки почти невозможно разглядеть из-за положения ее тела. Фото мужчины в деле нет. Только описание светлых волос. На прикроватной тумбе лежит наличка и несколько фишек.

— Было ли что-то еще? Откуда таксист забирал эту пару?

Мне не нравится моя идея. Вы тоже уже догадались?

Детектив отрывает спину от дивана и пытается сесть прямо, но живот мешает такому положению. Чревоугодие — тоже грех.

— Тут недалеко есть небольшой парк, эта пара вчера вечером поймала такси, как я уже сказал, платила наличкой, оставила чаевые.

Чего-то не хватает.

— Это все?

Детектив смотрит на меня как на умалишенного. Я буквально слышу, как шестеренки в его мозгу шевелятся, пытаясь работать. И в последний момент, когда он уже отчаивается, к нему точно приходит осознание, что он забыл мне сказать.

— Они дали водителю такси фишку.

Я быстро поднимаюсь с кресла: становится все любопытнее. Пара молодых людей, которая хотела скрыть свою связь, и из-за этого едет на такси в самый дальний уголок города. В место, где они скорее всего уже были. У этой пары не оказывается с собой документов, но они им и не нужны, они пьяны, они все еще не могут отойти от кутежа Вегаса. Как много людей я знаю, которые были в Вегасе за последнюю неделю? Из информации, которую я узнал о мисс Престон, у нее есть родной брат и подруга, с которыми она зажигала в казино.

У них еще есть наличка и фишки для продолжения веселья. Она скорее всего остановилась у родителей, но это не точно, мне про нее ничего неизвестно, кроме ее имени. А вот он точно живет в доме отца и матери. И было бы глупо приводить девушку в дом, если хочешь скрыть, что трахаешь ее с определенной

регулярностью. Но Зодак нападает обычно на пары, в которых один из партнеров изменяет…

Я быстро иду по коридору, не обращая внимания на студентов, которые здороваются через одного. Детектив бежит за мной и что-то кричит мне в след. А я не жду его, я хочу узнать, верно ли я понял. И я знаю человека, кто скажет мне сейчас. Дверь в каморку мисс Престон не заперта, но ее там нет. *Библиотека.*

— Профессор, что происходит?

Мистер Стивенс уже задыхается. Но мне все равно. Я игнорирую его вопрос, у меня есть дело поинтереснее. Библиотека встречает тишиной, дверь открывается бесшумно и я вижу затылок своей цели. Мисс Престон стоит ко мне спиной и что-то нажимает на телефоне.

— Паркер, вы с Фло оставили у меня все свои документы, я не знаю, где вы там пропали, но научитесь уже брать трубки, черт вас подери.

Милая София отключает вызов, переставая записывать сообщение и разворачивается, почувствовав на себе взгляд. Детектив догоняет меня и теперь стоит за моей спиной и издает неприятный запах после легкой пробежки, который оседает у меня в носу. Мерзость. А София стоит и хлопает голубыми глазами, будто утром не смотрела, как человек умирает в агонии. Будто не наслаждалась процессом.

— Профессор Рид, Вы меня искали?

Да, милая, искал, и сейчас я задам тебе самый важный вопрос в это утро. Вопрос, который убьет ту легкую улыбку на твоих пухлых губах. Заставит тебя заполнить голубые глаза слезами, осесть на пол и прислониться спиной к стеллажам с книгами, поджимая под себя ноги. Зря, милая, ты надела юбку сегодня.

— Мисс Престон, Ваша подруга Фло, как вы ее назвали, была замужем?

Ох уж это непонимание. Она еще не сопоставила времена моего вопроса. «Была».

— Да, у нее есть муж, но он не здесь, она приехала на несколько дней ко мне.

Не к тебе, София, не к тебе.

Примечание к части

*Зодак - Зодиа́к (англ. Zodiac) — псевдоним неустановленного американского серийного убийцы, действовавшего в Северной Калифорнии, по крайней мере с конца 1960-х до начала 1970-х годов.
Напоминаю, все это - фантазия автора с некоторой долей реальной истории.

Спасибо, что прочитали главу.
Аккуратно обниму вас (без хруста костей) за комментарий и "жду продолжения",

это помогает отслеживать активность в главе.

Следующая глава готова на 95%.

Примечание к части Если вы кушайте, откажитесь от пищи на время прочтения.

Глава без греха

Детектив все еще стоит позади и не понимает, о чем речь. Зачем я стремительно покинул кабинет, зачем спрашиваю у практикантки о муже ее подруги.

Я не знаю, как сообщать плохие новости, в детстве полицейский положил руку мне на плечо, немного его сжал и сказал: «Бени, твоя мама умерла». Вот так вот, без попыток утешить, без сожаления. Но я и так знал, что она погибла. Все произошло на моих глазах. Сложно не догадаться, что выжить после столкновения с автомобилем на полной скорости почти невозможно. Я поступил совершенно также. Приближаюсь к Софии под ее вопросительный взгляд. Аккуратно кладу руку на ее плечо, сминая ткань белой рубашки.

Какое же костлявое. Пальцы ощущают каждую выступающую косточку.

А она распахивает глаза, кажется, еще шире, и ее тело замирает от моего прикосновения. Но я не вижу в ее глазах похоти, которая буквально выплёскивается у большей части женского населения от моего касания. София сжимается, будто я могу ее сломать или обидеть. Причинить вред.

Милая, я может и убийца. Но не монстр.

— Что Вы?.. — тихо спрашивает она.

Нужно ее успокоить, ненавижу истерики. Приходится немного погладить ее плечо пальцами, и этого, кажется, достаточно. Она делает глубокий вдох и… прикрывает глаза?

Тебе нравится? Ну, конечно. Легкой ласки хватило, чтобы ты доверилась мне. Как быстро, милая. Ты точно поспешила.

— Мисс Престон, ваша подруга погибла, а брат в тяжелом состоянии.

Ну, а как сказать о плохом? С точки зрения психологии, нужно подготовить, поддержать, утешить, обнять и солгать, что все будет хорошо. Но это точно не входит в мои планы.

Детектив наконец-то понял. Не прошло и десяти минут. Моя ладонь все еще лежит на плече у Софии, и я наблюдаю, как приходит осознание. Как ее мозг складывает факты. Как она прикрывает на секунду глаза, а ее густые ресницы подрагивают. Она наполняет легкие кислородом, совершая глубокий вздох, и распахивает глаза. Голубые и ледяные. Удивительная сдержанность.

Она поняла.

— Что с братом?

София смотрит мне в глаза, она не плачет, ее губы не дрожат. Единственное, ее немного выдает голос. Я впечатлен, мисс Престон.

Детектив отвечает за меня.

— Он в тяжёлом состоянии, мисс. Но он жив.

Так себе утешение, детектив. Вас не учили сочувствию?

— А Фло?

Она все еще смотрит на меня, хоть я не отвечаю на ее вопросы. Чего вы ждете, мисс Престон? Сочувствия? Жалости? Объятий?

Детектив вновь отвечает.

— Миссис погибла.

Теперь, ты знаешь ее имя. И ты не можешь скрыть радости в голосе, сообщая о смерти. Ты продвинулся на миллиметр в своем расследовании.

— Я могу поехать к брату, детектив?

Голубые глаза Софии изучающе смотрят на меня, ища ответ на моем лице. Но у меня его нет, милая, я не могу тебе помочь. Но ты молодец: тебе не пришлось рассказывать, кто этот мужчина. Ты догадалась самостоятельно.

— Мисс, могли бы Вы сначала опознать тело? — *детектив быстро исправляется, ну, кто же так спрашивает.* — Вашу подругу. Нам нужно быть уверенными.

— Да.

София коротко кивает, не отрывая взгляда от моего лица.

— Профессор, прошу, могли бы Вы поехать со мной?

Выражение лица ее не меняется, я не могу понять ход мыслей мисс Престон. О чем она думает? Глаза все еще спокойны. Ни один нерв на лице не дрогнул. Зачем я тебе там? Я не твой друг, не твой парень, любовник или муж.

— Сомневаюсь, что это необходимо, милая. Вы справитесь.

На секунду я замечаю огорчение в ее глазах. Лишь на мгновение там появляется ужас. Но она быстро моргает и делает шаг влево, освобождаясь от моей руки.

— Вы правы.

Мисс Престон кивает то ли мне, то ли самой себе. Перестаёт рассматривать меня и направляется в сторону детектива. Я удивлен. Я ожидал слез, истерики, но увидел эмоции лишь на секунду. Неплохо, мисс Престон, продолжаете меня удивлять.

Мистер Стивенс не готов уходить, он не получил ответа от меня. Он в очередной раз нащупывает кобуру на поясе, будто тут ему грозит опасность.

— Профессор, Вы сможете подъехать сегодня в отделение? Адрес я сообщу дополнительно.

Могу ли я? Да. Хочу ли я? Да. Теперь это дело стало играть новыми красками, обрисовываясь знакомыми именами.

— У Вас есть мой номер? — все же уточняю я.

— Да, профессор. Спасибо.

Детектив выдыхает и чувствует успех, смахивая тыльной стороной ладони капли пота со лба. Он думает, что он победил. Но проблема в том, что мы не играли. Я заранее был готов. Отказываться от неограниченного доступа к информации, как минимум, глупо.

Милая София и детектив удаляются, а я остаюсь один в библиотеке, наслаждаясь тишиной и одиночеством. На этой неделе собрание книжного клуба, нужно будет отменить. И возможно, не только на этой.

Чувствую ли я себя сволочью, что не поддержал мисс Престон? Нет. Я не был обязан. Я не хотел. А зачем делать то, что мне не нравится? Вся наша жизнь сосредоточена на том, чтобы угодить другим, не выходить за рамки дозволенного, не нарушать стандарты. Можете ли вы заняться сексом на оживлённой улице на заднем сидении авто? Скорее всего, нет. Сможете ли переспать с дочерью вашей любовницы? Скорее всего, нет. Это не этично, это против правил. Сможете ли вы убить человека? Скорее всего, нет. А убить того, кто разрушил вашу жизнь? Кто убил вашего ребенка? Мать? Жену или отца? Вы уверены, что нет? Достоин ли этот человек прощения? Помилования? Достоин ли он второго шанса?

Вы знаете мой ответ. Попробуйте ответить и вы.

Сейчас мне нужно поговорить с Розой. Она будет сдерживать слезы, будет чувствовать себя униженной и обманутой. Потом заведет тему «отношений», их продолжительности и крепости нашей связи. Главное, чтобы не было слов о любви. Боюсь, не сдержу рвоту на это замечание.

Она, как обычно, сидит в своем кресле, ее черные длинные волосы спадают с плеч, стекая по белой рубашке. Нравится ли мне ее внешность? Больше да. Но она чрезмерно вызывающая, она выглядит доступной. Глубокий вырез, который появился из-за того, что она не застегнула несколько пуговиц. Роза хочет выглядеть и быть моложе своего возраста, я могу ее понять: старение — это отвратительно. Но то, как она подает себя…короткая юбка, излишний макияж. Хотя кого я обманываю, она выглядит ровно так, кем и является. Должность декана не мешает ей быть шлюхой.

— Бенедикт, — начинает она наш увлекательный диалог. Я сажусь в кресло напротив ее стола, намеренно не закрывая дверь.

— Роза.

Ну, мы выяснили, что знаем имена друг друга.

Смотрю, как она убирает прядь волос за ухо. Жест кокетства и заигрывания.

Работает ли он на меня? Нет.

— Я думаю, нам нужно поговорить, Бенедикт.

— Ради этого я тут, Роза. Я готов тебя выслушать.

Она сжимает свои опять ярко накрашенные губы. Я уже говорил, что не люблю красную помаду. Она оставляет следы.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

Смешно.

Мне жаль? Я не хотел трахать твою дочь? Я больше так не буду? Это была ошибка?

Мне не жаль, я хотел и трахнул и сделаю это вновь, если посчитаю это нужным. Это не было ошибкой. Ошибка тут лишь то, что Дейзи решила поделиться с тобой нашим коротким приключением, выстраивая в своей глупой голове розовые замки, я почти уверен, она уже примеряет мою фамилию и выбирает имена детям.

— Брат мисс Престон в больнице, я отпустил ее.

Хоть разрешения она и не спрашивала.

— Мне все равно на нее. Как и тебе.

Не знаю, почему Роза так в этом уверена. Мисс Престон не так проста, как кажется. Ее руки всегда прикрывают длинные рукава. Она исполнительна и ответственна. Все равно ли мне на нее? Да. Хочу ли я разгадать ее? Определенно. Она полна загадок, которые умело прячет за своими голубыми глазами.

— После лекций мне нужно будет доехать до полицейского участка.

— Ты и ее трахаешь? Да?

Бинго. Истерика. Слезы. Ревность.

Совершенно несвязанная информация про участок и секс с практиканткой. Глаза Розы становятся влажными и начинают блестеть. Сдерживайся, милая, я не хочу на это смотреть.

— Нет. Я не сплю с мисс Престон.

По крайней мере, пока. Уточни завтра актуальность этой информации.

Роза встает со своего кресла и подходит ко мне, я вижу ее метание, она думает: мои колени или стол. Куда ей нужно присесть. Я бы рекомендовал стол. Не хочется смотреть в твои заплаканные глаза с такого близкого расстояния. Но Роза выбирает третий вариант.

Она закрывает кабинет.

Вот чего ты хочешь? Ты хочешь думать, что ты та женщина, к которой я буду возвращаться всегда. Ты хочешь, чтобы только с тобой я кончал. Ты хочешь быть желанной. Но мне это неинтересно, Роза. Ты безусловно привлекательна, ты опытна. Но я никогда не дам тебе то, что тебе нужно.

Она возвращается и присаживается на стол. Угадайте зачем? Она немного раздвигает ноги, показывая свою выбритую промежность без белья. Возбуждает ли это меня? Возможно. Глаза, в которых сейчас мольба и неуверенность, возбуждают больше. Особенно, когда они перестают блестеть от слез.

— Роза, я не дам тебе того, чего бы ты хотела. Ты хочешь, чтобы тебя любили. Но я не люблю.

Я даже не уважаю тебя. Ты знаешь, где был мой член пару дней назад и все равно раздвигаешь передо мной ноги. Ты все равно хочешь, чтобы я был в тебе, трахал тебя, кончал от тебя.

— Бенедикт, — немного дрожащий голос выдает твое волнение, милая. Ты боишься, что сейчас я поднимусь и выйду. Оставив тебя без оргазма и без надежды на то, что все может быть как раньше. Ты на коленях, а я в твоем кресле. — Прошу, не уходи. Я соскучилась по тебе.

Она хочет ответ, что я тоже скучал как сопливый подросток и дрочил в душе, думая о ней. Но проблема в том, что я не скучал и даже не думал. Мне все равно, спит ли она с мужем, есть ли в ее жизни другие мужчины.

— Я задержусь.

Мы сможем провести это время с пользой для обоих. Я освобожусь от ее слезливых глаз, повернув спиной. Я кончу, и это поможет мне сосредоточиться в течении дня. Что получит Роза? Мне все равно. Ровно то, чего хочет, и скорее всего даже не заслуживает. Но кто я такой? Чтобы судить ее.

Поднимаюсь с кресла и достаю презерватив из кармана брюк. Ты хотела, так получай.

— Надень его.

Я протягиваю ей шелестящую упаковку, а она игриво закусывает губу. Тебе повезло, милая Роза, что я ощущаю легкое возбуждение с тех пор, как узнал о Зодаке в городе. Иначе твои губы были бы на моем члене. И ты не закусывала бы их, думая, что это сексуально. Но сегодня мы можем обойтись без твоей восхитительно глубокой глотки.

Роза спрыгивает со стола и убирает длинные волосы от лица, закидывая их за спину. И опускается на свое место. На колени. От предвкушения сегодняшнего дня я возбуждаюсь сильнее. Оргазм как раз идеально вписывается в сегодня. И, признаться, неважно, ртом она мне его доставит или стенками влагалища.

Она умело расстегивает ремень и ширинку. Сколько раз ты уже стояла так? Стягивает брюки с боксерами, но не спешит надевать презерватив и даже открывать упаковку. Я знаю, чего ты хочешь, думаешь, что так ты ощутишь

власть надо мной? Нет, Роза. Я всегда контролирую процесс, я всегда контролирую желание. Как и степень проникновения в твой рот. Но раз ты так хочешь. Попробуй. И она пробует.

Поднимая свои глаза на меня, раскрывает свой рот и кончиком языка обводит по головке. Нужно отдать тебе должное, сосешь ты хорошо. Я бы сказал, профессионально. Смотрю, как она проводит языком под членом, нарочно задевая кончиком мошонку, отчего я возбуждаюсь сильнее, и член немного дергается, ударяется по ее лицу, пока она приподняла его рукой и работала языком. Она чувствует, что яйца сжались, и я уверен, ощущает власть. Но она не знает, что я могу развернуться в любую секунду. Она заглатывает максимально глубоко, насколько ей позволяет глотка. Но мне нужно дальше. Она ритмично двигает головой, каждый раз проводя языком по каждой выступающей венке и противно причмокивает. Стараюсь не слушать, а лишь только смотреть, как член проваливается в ее рот, и наслаждаться плотным кольцом ее губ, которые крепко сжимают ствол, образуя вакуум.

Молодец, милая. Но попробуем по-другому.

Кладу левую руку под подбородок и немного приподнимаю голову Розы, делаю угол проникновения иным. А второй рукой удерживаю затылок, фиксируя положение. Давно я не трахал твое горло максимально глубоко. Левой рукой ощущаю, как член проталкивается глубже задней стенки глотки и скользит в горло.

Да, так мне хорошо. Сжимай горло, милая.

Ей не нравится, я уверен. Она потеряла власть вместе с игривым минетом. Мне не нужно, чтобы ты вырисовывала языком выпирающие вены. Мне нужно так.

Она упирается ладонями мне в бедра и пытается отстраниться. Нет, милая, дышать ты будешь потом. Толкаюсь сильнее, удерживая правой рукой затылок, а левой через стенки горла ощущаю собственный член. Это лучше любого языка, который вылизывает головку. Чувствовать себя глубоко в глотке. От того, что ей нечем дышать и, я уверен, такое давление вызывает рвотные рефлексы, она сжимает мышцы горла сильнее. И становится еще приятнее.

Давай, милая, да.

Я готов кончить только от выражения лица Розы и от тесноты. Ее немного запрокинутая голова и глаза, молящие о кислороде. Перестаю вдалбливаться в ее горло. Подыши. Вытаскиваю член из ее рта, а она ловит им воздух и ни слова не говорит против. Блестящий мокрый член нависает над ее лицом, и я намеренно берусь за основание и провожу от ее губ до щеки головкой, размазывая красную помаду сильнее. А она уже высовывает язык, пытаясь поймать член обратно.

— Надевай.

Роза немного обижено сжимает губы, но слушается, подбирает с пола упаковку от презерватива и вскрывает ее, пальчиками растягивая латекс до основания, не забывая провести пару раз сжатой ладонью, имитируя движения своим ртом.

Помогаю ей подняться с колен, и в момент, когда она хочет сесть на стол, разворачиваю ее спиной. Не хочется смотреть в ее лицо. Первый раз не хочется видеть ее глаза во время оргазма.

Она не сопротивляется и наваливается животом и грудью на стол. Короткая юбка почти полностью открывает вид на все ее прелести. По бедрам вниз стекает прозрачная смазка, Роза переминается с ноги на ногу в ожидании. Мне приходится немного согнуть колени. Правой рукой сжимаю член и размазываю смазку между двух ее дырок, немного надавливая на каждую, отчего она сжимает мышцы.

Не переживай, милая, я просто играю.
Но я знаю, что ты не будешь против таких игр. Медленно ввожу член в ее влагалище, надавливая на переднюю стенку, смешивая наслаждение с болью. Но ты любишь так, я это знаю. Вхожу максимально глубоко и мучительно медленно для обоих, наполняю ее собой до тех пор, пока мошонка не ударяется об ее мокрые складки половых губ.

— Бени, пожалуйста.

Зачем портить такой момент сокращением. Зря ты это, милая.
Пора заканчивать. Сжимаю ее белые ягодицы пальцами до синяков и немного раздвигаю их, продолжая входить максимально. Роза уже знакома с размерами, она почти всегда готова принять меня максимально глубоко без сильного дискомфорта. Она уже начала сжимать мышцы влагалища короткими сокращениями. Ей осталось недолго, но нужно подтолкнуть. Надавливаю большим пальцем ей на анус, не заходя глубоко, просто массируя, отчего Роза пищит от неожиданности и ощущений. И теперь не только мышцы ее влагалища сжимаются, сдавливая член, но и большой палец, который по первую фалангу в ней, тоже сжимается ее мышцами.

— О да, Боги, да…

Слишком громко, милая. Твоя секретарша может и услышать.

Последний раз упираюсь членом в ее матку, а большой палец немного оттягиваю в сторону будто крючком, и этого достаточно милой Розе, чтобы начать биться в конвульсиях на столе. Мышцы ее влагалища сдавливают мой член так, что на секунду кажется, что я не смогу вытащить его. Но судороги в ее теле позволяют выйти из нее и быстро снять презерватив. Сейчас я хочу не так. Сжимаю член и кончаю между ее белых ягодиц, немного пачкая задранную юбку. Наслаждаюсь легкостью во всем теле, она буквально выкачала сперму своими мышцами, осушая мои яйца. Ноги становятся ватными, но я быстро прихожу в себя. И любуюсь зрелищем, как ее собственная смазка стекает по бедрам до колен, а еще пульсирующие половые губы и анус покрыты белой спермой.

Чтобы убрать это все простого платка не хватит.

Роза не шевелится, все еще тяжело дыша. Приходится поискать платок в кармане спущенных брюк, и устранить следы помады и смазки с члена. Я уже застёгиваю ремень и поправляю рубашку, а она только делает первые движения на столе. Разворачиваясь ко мне, она опускает юбку и запрокидывает волосы за

спину.

Под глазами черные круги от растекшейся туши, помада растертая головкой по щеке. Сперма стекающая до лодыжек, почти затекающая в туфли. Соберись, Роза, выглядишь неприятно.

— Бенедикт, мы давно вместе, я бы хотела обсудить наше совместное будущее.

Любопытно. Удиви меня, милая.

— Если ты готов, я согласна развестись.

И жили они долго и счастливо. Это не про меня, Роза. И не про тебя. Я не готов был выносить наш секс за пределы университета. Но раз ты так заговорила, думаю, это последний оргазм, который ты получила со мной.

Смотрю на ее внешний вид и понимаю, что больше не хочу трахать ее. Я получил от нее все, что она могла мне предложить. Она тянется ко мне за поцелуем, но вовремя останавливается, не хотелось бы еще ее отталкивать, уничтожая последние крупицы достоинства.

— Миссис Миллер, к Вам супруг с дочерью. Они ожидают приглашения, — раздается голос секретарши из телефона громкой связи.

А я улыбаюсь. В кабинете не просто стоит женщина, которой нужно принять душ, тут все пропахло латексом и спермой. Переживаю ли я из-за реакции гостей? Нет. Боюсь ли я того, что муж узнает? Нет. Хочу ли я, чтобы Дейзи поняла, что происходило в кабинете? Определенно. Нужно же развеять ее фантазии.

Примечание к части

В следующей главе обещаю немного канона:) принимаю ставки на угадывание сцены. Ради такого дела, пришлось пройти новеллу)
Спасибо, что читаете это безобразие.

Примечание к части Во время прочтения можно кушать.

Любопытство

Смотрю на Розу и наслаждаюсь ее беспомощностью. Она много лет «наставляла» супругу рога, и впервые за все эти пять лет она не готова к встрече.

— Миссис Миллер, у вас помада на щеке.

В ее зрачках появляется ненависть, которую видно невооруженным взглядом, глаза сужаются и появляется россыпь мелких морщинок. Готов поспорить, что в этот момент она поняла, что проиграла. Роза не станет единственной женщиной, к которой я буду возвращаться, я не буду любить ее. Но если десять минут назад она еще надеялась, то после официального обращения она осознала свое положение и значение в моей жизни, как и степень привязанности к ней.

Нулевое.

Женщина, которая думала о разводе еще десять минут назад, яростно стирает следы красной помады, пытается убрать волосы, которые прилипают ко влажному лбу после старательного заглатывания члена. Дверь еще закрыта, а я не спешу ее открывать, наслаждаясь беготней Розы по кабинету. Она открывает окно, надеясь убрать запах нашего развлечения. Но латекс и сперма так быстро не выветрятся.

Нет, милая, тут все пропитано сексом.

Роза стирает влажными салфетками, размазанную черную тушь из-под глаз и одергивает короткую юбку. Ты кое-что забыла, милая, незначительную мелочь.

— Откройте, пожалуйста, дверь, профессор Рид, и закройте с другой стороны.

Ох уж этот официальный тон, мне нравится. Ты обиделась, милая? Но чего ты ждала от меня? Нежности? Внимания? Может любви? Жалею ли я, что однажды связался с Розой? Нет. У нас было взаимовыгодное сотрудничество, которое закончилось пару минут назад.

Удерживая ручку двери, не сдерживаюсь, разворачиваюсь и последний раз прохожу взглядом по напряженному телу, которое совсем недавно билось в конвульсиях оргазма.

— Декан Миллер, у вас моя семенная жидкость дотекла до туфель. Я бы рекомендовал протереть бедра.

И щелкаю замком, открывая дверь. Роза, которая стояла посреди кабинета со сложенными руками перед грудью, бежит за стол, скрываясь за ним.

Я же говорил, ты кое-что забыла, одну незначительную деталь.

Покидаю кабинет, не желая смотреть на выяснения супружеских отношений.

В приемной мне встречаются мистер Миллер и Дейзи, которая не поднимает головы и что-то читает в телефоне, совершенно не реагируя на меня. Но мне это на руку. Достаточно с меня этого семейства на сегодня.

— Профессор Рид.

Не успеваю я выйти из кабинета и закрыть за собой дверь, как невысокий мужчина среднего телосложения поднимается с дивана и протягивает мне руку.

— Мистер Миллер.

Протягиваю ему ладонь для рукопожатия. Нужно вымыть руки после Розы. Рукопожатие у мужчины слабое и пальцы немного прохладные.

— Просто Роб.

Рукой, которой я надавливал на сфинктер женщины за дверью, сейчас здороваюсь с мужчиной, чью жену трахнул буквально в самую глотку. Стыдно ли мне? Нет. Но оцените степень комичности этой ситуации для меня.

— Миссис Миллер готова вас принять, простите, углубились в дискуссии по анатомии.

Которую я не преподаю.

— Не страшно, мы с дочкой не спешим.

Дочкой. Знали бы вы, мистер Миллер, какие похотливые черти живут внутри вашей дочки.

Дейзи смотрит на меня, закусывая нижнюю губу.

У мамы научилась? Милая, это не работает. Я кончил между ног твоей матери только что, думаешь, такие заигрывания подействуют? Помогу тебе с ответом, нет.

Дейзи поднимается с дивана, как только мы встречаемся взглядами, и равняется с отцом, протягивая мне ладонь. Что за день такой! Все непременно желают поздороваться через рукопожатие. Цель рукопожатия — демонстрация благонамеренности и доброй воли, моя же воля отнюдь не добрая.

— Мисс Миллер.

Киваю ей в знак приветствия, пожимая маленькую ладонь, а ее рукопожатие посильнее отца, она не сразу выпускает мою руку и поглаживает ее большим пальцем.

Это тоже не работает.

— Ну зачем же так официально, мы же знакомы с Вами.

Роб приподнимает брови, а Дейзи отпускает руку. Наконец-то. Сколько можно уже.

— А когда вы успели познакомиться, милая?

Я не часто смеюсь, в этой жизни редко встречается что-то смешное. Но сейчас я сдерживаю улыбку как могу.

Милая.

— Я подвозил Дейзи до дома, когда у нее сломалась машина.

Совершенно неинтересный диалог. Меня ждет лекция, участок и Зодак. А мы тут любезничаем, давая время Розе стереть остатки спермы с тела. Я уверен, что если проверить ее под ультрафиолетом, она будет гореть желтым цветом как новогодняя елка. Начиная от волос и заканчивая лодыжками.

— И отказались подняться на кофе, представляешь, пап? — жалостливым тоном говорит Дейзи, подхватывая отца под локоть.

И откажусь вновь.

— Профессор, — Роб достает из внутреннего кармана черный матовый конверт. — В эти выходные у нас официальный прием, представители университетского сообщества, судьи и несколько чиновников, ничего особенного, не более ста гостей. Будем рады видеть Вас.

Мужчине осталось только в лицо засунуть мне этот конверт.

— Спасибо за приглашение, мистер Миллер. Я проверю планы.

Например, поиска серийного маньяка.

— Конечно, профессор, время еще есть.

Киваю и ухожу, светские беседы уже наскучили.

— Приглашение на двух персон, можете позвать пару, — уже в спину говорит мне Роб.

«Пару», — как интересно звучит.

— Но это вовсе необязательно, профессор, — уже голос Дейзи догоняет меня.

Конечно не обязательно, готов поспорить, ты хочешь быть там со мной.

Ничего не отвечаю, кладу конверт в карман брюк. Нужно выкинуть презерватив и платок, помада Розы отстирывается похуже крови.

В полицейском участке я ознакомился с документами по Зодаку, увидел криптограммы, которые он посылал в СМИ и участки городов, где совершал нападения. Ни одна из его присланных загадок еще не была разгадана. За последние четыре года многие люди обвинялись за его преступления, но ни один факт не был подтвержден. У полиции были его отпечатки, фоторобот мужчины с короткими волосами и в очках. Но я уверен, что перерыв в нападениях был вызван тем, что ему необходимо было немного изменить свою внешность, возможно, отказаться от очков и перейти на линзы, отрастить

волосы, бороду или усы. Сейчас неактуально искать старый портрет. Но если брат мисс Престон сможет выжить, то у меня появятся новые улики, которые помогут выследить гостя. После нескольких часов изучения документов удалось составить некоторые особенности, присущие данному убийце, которые я выписываю в заметки для детектива:

1. Жертвы — пары до сорока пяти лет, которые нарушили клятву верности;
2. Нападения происходят по будням, еще ни разу Зодак не напал в выходные и праздничные дни;
3. Преступник действует в тёмное время суток или в условиях сумерек;
4. Ограбление или сексуальная подоплёка не являются мотивами преступлений, его нападения больше похожи на месть за измену (возможно, это личное);
5. Применяются три вида оружия: пистолет, нож или удавка;
6. Преступник имеет тенденцию заявлять о совершённых им преступлениях (письмом или по телефону);
7. Нападения происходят в «местах для свиданий»: мотели, кемпинги;
8. Жертвы добираются различными способами до пункта назначения. Единственное исключение — это общественный транспорт. Это всегда или личное авто, или аренда, или такси

Детектив смотрит на меня, немного приоткрыв рот. Хоть я не открыл им Америку сейчас, я просто почитал материалы по делу, все это было написано до меня, но никто не удосужился сложить информацию в общую картину, что для меня немного странно. Как можно ловить серийного убийцу, не зная его поведения и не составляя психологический портрет преступника, который предстоит мне сделать позже после более тщательного изучения материалов дела.

Мужчину отвлекает телефонный звонок, он перестает молча смотреть на меня и отвечает. Надеюсь, там что-то интересное.

— Детектив Стивенс, слушаю.

А я смотрю, как мужчина сужает глаза, как на его лбу, который сейчас не блестит от пота, начинает пульсировать венка. Очень интересно, это должны быть великолепные новости, если детектив так себя ведет. Значит Зодак сделал следующий шаг.

Мужчина сбрасывает вызов и поднимает глаза на меня.

Ну же, мистер Стивенс, говорите уже, порадуйте меня.

— Зодак напал на беременную женщину, он возил ее за городом около двух часов, но ей удалось сбежать.

Очень необычное поведение для того, кто охотится на пары, которые не придерживались моногамии. Любопытно.

— Когда можно будет пообщаться с жертвой?

Я уверен, что данные с допроса не дадут ничего интересного. Тут нужен непосредственный контакт, нужно видеть ее бегающие глаза, как она потирает кончик носа или поправляет волосы, как сжимает губы плотнее от неприятных

вопросов. Детектив лишь кивает и набирает номер на телефоне, но я уже не прислушиваюсь к разговору. Теперь если информация подтвердится, у меня будет портрет моей жертвы и я смогу выйти на охоту. Теперь нет необходимости думать о судьбе Паркера Престона, он больше не нужен для расследования.

Выкручивая руль в сторону квартиры, понимаю, что в кармане отсутствует телефон, я так увлекся своими мыслями, что совсем не помню, когда в последний раз видел его. Точно, в университете после того, как проверил адрес, присланный детективом. Ну что же, небольшой крюк по городу перед сном.

Университет встречает тьмой и тишиной, лекции давно закончились, студенты разошлись. Охранник сонно кивает мне головой, а я прохожу в сторону кабинета. Лишь на одну секунду я поворачиваю голову в сторону дверей библиотеки, одна из которых приоткрыта.

Любопытство останавливает меня.

Как вы думаете, это пара студентов предаются похоти на всех поверхностях библиотеки? Не могу пройти мимо, нужно уточнить этот момент. Приоткрываю тяжелую дверь, она поддается легко и совершенно беззвучно, в библиотеке почти полная тьма, лишь тускло светятся направляющие знаки для эвакуации на деревянном полу. Тихий шорох из-за стеллажа привлекает мой слух. Двигаюсь, не следуя стрелкам на полу, и захожу за два стеллажа, которые не просматриваются с главного входа.

Мисс Престон.

Именно то, о чем я думал утром. Сломленная. Уничтоженная. Разбитая. Ее ноги поджаты, она притягивает их к груди, ее слабо освещает свет из окна напротив, но даже в темноте могу разглядеть, что она не просто сидит и плачет, она методично двигает рукой и каждый раз вздрагивает. Мисс Престон совершенно не обращает внимания на меня, будто она находится не здесь. Короткая юбка совсем задрана и оголяет бедра, и с такого ракурса видно ее черное белье, спадающие вниз волосы мешают видеть лицо, левый рукав белой рубашки закатан, и я определенно вижу небольшие темные пятна на ткани.

— Мисс Престон.

Пытаюсь позвать свою практикантку. Но она будто не слышит меня, продолжая методично подрагивать под движения правой руки. Отсюда может показаться, что она мастурбирует. Но я понимаю, что она делает. Вот как Вы сохраняете хладнокровие, милая София, вот как Вы выживаете. Вот, что заставляет Вас сдерживать эмоции на людях. Но сейчас она как оголенный нерв, сейчас она переполнена болью, страхом и одиночеством.

— Мисс Престон.

Опять никакой реакции. Делаю два шага к девушке, она вновь не реагирует на мое присутствие. Мне удается увидеть ее лицо: глаза направлены в одну сторону и сейчас они не кажутся голубыми, ощущение, что просто пустые, веки красные и опухшие. Она плачет не первый час, теперь я совершенно точно знаю, что с мисс Престон не так.

Примечание к части

В написании главы использовались факты о реальном человеке (с некоторыми изменениями).

Убийца дворецкий?

Ложь

Я ожидал, что мисс Престон сломается, я ждал ее слез и истерик, но не был готов к *этому*. Вы знали, что при получении физической травмы, тело вырабатывает эндорфины — вещества, естественным образом выделяющиеся в организме? Сейчас София занимается именно тем, что притупляет чувство депрессии, чувство вины, ощущение тревоги, стресса и мучительных воспоминаний. Путем нанесения себе физических увечий.

Ее рука удерживает маленький кусок металла и методично проводит по коже, царапая ее. Глаза пусты, зрачки расширены и устремлены в одну точку. Каждый раз после очередной царапины она вздрагивает, потом вновь проводит по коже, и опять тело содрогается.

Я никогда не встречался с таким расстройством лично, не видел таких людей до настоящего момента. Я знаю, как ей помочь, но только опираясь на учебники и научную литературу, а не на собственный опыт.

От некоторых порезов на запястье начала выступать кровь, она режет себя не глубоко, не причиняя смертельных увечий, но, судя по количеству царапин, делает это давно. Я не знаю, как поступить. Вызвать скорую? Но тогда ей назначат лечение, и она не сможет работать в университете. Оставить ее тут? Семьдесят процентов пациентов с пограничным расстройством личности совершают самоповреждения без суицидальных намерений, но что если мисс Престон окажется в числе меньшинства и завтра на полу библиотеки будет лежать хладный труп? Не хочется быть последним человеком, который видел Софию живой, и отвечать на вопросы полиции. Ну что же, значит, нас ждет приключение, мисс Престон. Сомневаюсь, что оно доставит мне удовольствие, а вы скорее всего и не запомните его.

— Мисс Престон?

Зову ее в последний раз, контрольная проверка восприятия. Но как я и ожидал, она не отвечает и даже не реагирует на меня. Приходится прибегнуть к крайним мерам. Рывком поднимаю свою практикантку с пола, удерживая одной рукой под коленями, второй за спину, а она даже не вздрогнула. София не обнимает меня за плечи руками, упрощая свое ношение, она просто как кусок мяса без чувств и реакций. София не тяжелая, но неудобная.

— Мисс Престон, обнимите меня.

Опять никакой реакции, ну что же, значит, будем идти так. Она прижимает руки к своей груди, а пальцами удерживает что-то металлическое, чем она резала себя. Не могу рассмотреть, что это, да и не хочу. Приходится зайти за целью моего визита и забрать телефон из кабинета. Открывали ли вы дверь ключом, удерживая на руках будто мешок? Это весьма неудобно.

Охранник заснул, что позволяет незаметно покинуть университет с девушкой на руках, чья юбка давно задралась, а рубашка выглядит излишне мятой, и можно заметить капли крови на рукаве. На секунду мешкаю, возможно, нужно просто отвести мисс Престон к ней домой и не создавать себе излишних проблем, но в момент, когда я размышляю, София кладет голову мне на плечо и будто засыпает.

Замечательно, мисс Престон. Из ее глаз не перестают течь слезы. Ну что же, тогда ко мне, милая.

Я давно снимаю небольшие апартаменты недалеко от университета: скромная двухэтажная квартира. В парадной меня не встречает консьержка, что несомненно удача для нас: я не готов объяснять, зачем несу девушку в отключке к себе. Это первый гость в этой квартире, который попадает сюда таким интересным путем. В последние пять лет снизилась потребность в снятии напряжения, под рукой всегда была Роза, готовая на любые эксперименты, из-за этого периодичность, с которой сюда заходили другие женщины, была крайне мала. Мне не нужны «отношения», к котором привыкли обычные обыватели: завтрак в постель, секс после пробуждения.

Но я завидую тем людям, которые видят в этом смысл своего существования — жить ради другого. Подстраиваться под него, пытаться измениться и стать лучше, и все ради того, чтобы понять, что это не тот человек, не тот единственный. И все начинается по новой. Знакомство — флирт — свидание — цветы — рестораны — секс — разочарование. Зачем такая сложная цепочка взаимоотношений, если можно ограничиться удовольствием?

Но я искренне завидую людям, которые думают, что они образцовые индивиды общества, с кредитом на дом, собакой, женой-домохозяйкой, которая перестала возбуждать еще до свадьбы, и парой детей. Жизнь этих людей проще, примитивнее. Они не стремятся получить от жизни кайф, они хотят выспаться, они не хотят заниматься сексом, потому что устали на работе.

Я завидую их слепоте, насколько проще быть обычным обывателем жизни.

Мисс Престон продолжает подрагивать, слезы так и не прекратились. Единственное логическое решение, которое сейчас есть в моей голове — это горячая ванна, которая поможет расслабиться телу. И если и это не поможет, я всегда знаю запасной вариант.

Возможно, он слишком жестокий — скажете вы — но зато после такого крепкий сон ей будет обеспечен.

Несу практикантку в ванну, она уже не в отключке, но все еще не в себе. Глаза немного приоткрыты, нижняя губа слабо дрожит, кажется, что она заперта в своем кошмаре, из которого не может выбраться.

О чем же вы думаете, мисс Престон? Какой момент переживаете?

Это определенно необычно, первый раз я буду раздевать женщину не для того, чтобы насладиться похотью и развратом. Пытаюсь поставить ее на ноги, но они будто ватные. Ладно, значит сразу в ванну, милая, раз стоять ты не готова. Силой забираю кусочек металла из ее руки, никогда бы не подумал, что можно наносить себе увечья «ключом» от алюминиевой банки. Ну что же, София, продолжаете меня удивлять.

Кровь перестала сочиться из порезов и засохла бордовой коркой на запястье и выше. Приходится приложить усилие, чтобы избавить мисс Престон от рубашки, что еще утром была белой. Теперь становится ясно, почему она не закатывала рукава и всегда закрывала руки: ей было, что скрывать. Девушка не

сопротивляется моим действиям, немного поддается, помогая снять ненужную ткань. Ну что же, София, юбка или белье — с чего бы вы начали? Думаю, юбка.

Очень предусмотрительно было надеть юбку на крупных пуговицах спереди. Подхватываю мисс Престон под ребра, немного прижимая к себе, чтобы свободной рукой вытащить юбку. Девушка совершенно не сопротивляется, а даже поддается, приподнимая ягодицы. Думаю, самое время начать наполнять ванну водой, и только сейчас замечаю, что забыл снять с Софии черные туфли на толстом черном каблуке. Вода медленно наполняет ванну, а я вожусь с застёжкой на лодыжке, никак не получается расстегнуть замок.

Туфли аккуратно стоят рядом с ванной, юбка и рубашка сложены рядом. Итак, последний штрих перед водными процедурами. Воды еще совсем мало, и тело Софии покрывается мурашками.

Потерпи, милая, скоро станет лучше.

Запускаю руки за спину девушки, немного отрывая ее от ванны, и расстёгиваю бюстгальтер, аккуратно высовывая каждую руку из лямки, и кладу его на пол рядом с туфлями на рубашку. У вас красивая округлая грудь, мисс Престон, особенно со стоячими от прохлады сосками, скоро вода согреет вас. Только я хочу дотянуться до ее трусов, как она немного раздвигает ноги, и одно колено прислоняется к ванне.

Шрамы. Много мелких порезов. Давно заживших. Белые полосы на внутренней стороне бедер — на левом и правом — почти в самом начале у края белья. Я замираю, смотря, как вода начинает подниматься по телу, уже касаясь первых отметин на ноге. Голова Софии откинута на бортик, руки лежат вдоль оголенного тела. Ну, шрамы не повод купаться в одежде, мисс Престон. Дотрагиваюсь до края чёрного белья, и в первый раз за вечер София вздрагивает и пытается совладать с собой.

— Не смотрите, прошу…

Шепот срывается с ее приоткрытых губ, а голова опять откидывается на бортик.

О, милая, я уже увидел больше, чем хотел.

Возможно, если бы сейчас мы находились в другом положении, если бы девушка была в сознании и не пускала слезы в ванну, я бы мог почувствовать возбуждение, смотря, как вода скользит по коже, окутывая мисс Престон теплотой. Сажусь на пол у ванны и снимаю рубашку, рукава давно промокли, а белая ткань испачкана каплями крови моей практикантки, кажется, Вы должны мне новую, милая София. Тело продолжает подрагивать, хоть вода уже добралась до груди, соски которой все еще торчат…

Я соврал, мне нравится смотреть на грудь мисс Престон, возможно, хотелось бы сжать ее в ладонях, оттягивать сосок пальцами и выкручивать, причиняя боль, граничащую с удовольствием, до срывающихся с приоткрытых губ стонов, слушать ее мольбу о продолжении. Но я не увлекаюсь некрофилией, предпочитаю живых, а София сейчас не похожа на такую.

Решаюсь на весьма странный поступок со своей стороны уже не в первый раз

за сегодня. Намыливаю мочалку и достаю одну руку мисс Престон, аккуратно тру по порезам, смывая кровь, которая еще осталась на ее теле, несмотря на нахождение в ванне. То же самое проделываю со второй рукой. Ну что же, милая, голову никому я еще не мыл.

— Надеюсь, Вы не против моего шампуня?

Я и не надеюсь на ответ, промываю белые локоны шампунем и вспоминаю рассказ детектива о том, что Зодак похитил беременную женщину, но она смогла убежать. Он возил ее на машине, а значит у нас будет новый фоторобот. Который, наверняка, будет далек от действительности. Я почти уверен, что она будет рассказывать про очки и волосы, которые скорее всего ненастоящие. Смываю последнюю пену с головы Софии, она выглядит спокойнее, чем была в начале, тело ее не дрожит, соски больше не торчат, грудь расслаблена, как и сама девушка. Даже слезы перестали течь нескончаемым потоком. Спускаю воду и смотрю, как она вытекает, оголяя обнаженное тело. Даже в расслабленном состоянии у Софии плоский живот, немного смущает черная дорожка на лобке, но это дело вкуса, я предпочитаю без лишней растительности. Округлая грудь. София опять прислоняет одну ногу к бортику ванны, открывая интересный вид. Шрамы, давно зажившие белые полосы у самого начала бедер. Как давно ты занимаешься этим? Ты специально выбрала это место? Оно самое незаметное, ты даже могла носить юбки.

Вода постепенно исчезает из ванны, оголяя грудь, тело мисс Престон покрывается россыпью мелких мурашек, соски опять твердеют. Были бы мы в других обстоятельствах, милая, мы бы могли интересно провести время, но у нас с Вами дела поважнее.

— Мисс Престон, Вы сможете встать?

Она лишь слабо кивает головой, но ничего не происходит, давай же, милая, соберись. Это всего лишь смерть, ты должна справиться с этим состоянием, иначе мне и правда придется вызвать скорую и лишить тебя будущего. В правую руку беру белое махровое полотенце, а левой приподнимаю Софи из воды. В этот раз она не просто кусок мяса, она немного обвивает мои плечи руками, но лишь на мгновение. Только я думаю, что ее можно поставить в ванне на ноги, как руки соскальзывают с моих уже мокрых плеч и я почти роняю свою практикантку. Резкое движение руки, и теперь девушка прижимается ко мне оголенной грудью, притягиваю ее сильнее, чтобы она вновь не упала.

Я готов отказаться от своих принципов, хочу выбросить полотенце и просто накрыть грудь рукой, хочется проверить ее упругость и насколько она не помещается в ладони. Я почти уже собираюсь это сделать.

— Прошу, не смотрите на меня…

Тихий шепот Софии отгоняет наваждение. Это всего лишь грудь, ничего необычного, но член, который потирается о ширинку брюк, со мной точно не согласен. Закутываю практикантку в белое полотенце и подхватываю на руки. В моей квартире только одна кровать на втором этаже. Поднимаюсь по лестнице и чувствую, как с моего плеча вниз по руке стекают капли воды с мокрых белых волос. Не убирая полотенце, кладу мисс Престон поверх серого покрывала, а сам сажусь рядом. Выключаю ночник на тумбочке, который включился от нашего появления.

— Нет, прошу, не трогайте ее! Не надо, прошу!

Крики Софии заполняют комнату и заставляет меня вновь вернуть освещение. Девушка сворачивается в позу эмбриона и прижимает колени к груди, мокрые волосы прилипают к лицу, но она никак не реагирует на холодные прикосновения, ее бьет мелкая судорога, а глаза вновь наполняются слезами, и она начинает скулить. София начинает ковырять свои запястья, начиная вновь причинять себе боль.

Ну что же, милая, раз не получилось по хорошему, значит будет по-моему. Поднимаюсь с кровати и расстёгиваю ремень, вытаскиваю его из всех шлевок, бросаю в ноги на покрывало и делаю шаг в сторону ванной.

Примечание к части

Эстетика: https://www.instagram.com/p/CQwQLurMq0N/?utm_medium=copy_link

Спасибо за лайк, комментарий и «жду продолжения»

Уныние в обжорстве

Перед тем, как вколоть необходимую дозу транквилизатора М-99 (более известное его название — эторфин) для животных, приходится просчитать пропорции. Если все будет в порядке и я не усыплю мисс Престон навсегда, то продолжительность ее отключки составит около пяти часов. А после этого возможен сон. Все будет зависеть от того, насколько ее тело истощилось и нуждается в отдыхе. Тонкая металлическая игла входит в нежную кожу на шее, как горячий нож в масло. София еще скулит, и ее тело трясет будто в лихорадке, но мне кажется, это самый гуманный способ успокоения. Не бить же ее по затылку?

Тело медленно успокаивается, транквилизатор начинает действовать, смешиваясь с кровью, и она почти засыпает, на самом деле я не знаю, что испытывают люди под действием препарата. Но вот что мне в нем особенно нравится: он продается в любом специализированном зоомагазине, но хранение вещества для употребления без лицензии Министерства здравоохранения является незаконным и предусматривает штраф в размере миллиона долларов и/или семь лет тюремного заключения. Удивительно, я могу усыпить им быка с должной лицензией, но не могу обезвредить девушку от нанесения телесных повреждений самой себе.

Ну, раз София сегодня мне больше не доставит проблем, значит я могу принять душ и уже насладиться кружкой горячего чая, насыщенный день сегодня выдался. И я не знаю, что мне понравилось больше: встреча с детективом, появление Зодака, сперма, стекающая по лодыжке Розы, или сломанная практикантка, сломанная давно и серьезно. Это далеко не первый раз, когда мисс Престон причиняла себе увечья, и мне очень интересно, что должно было произойти с ней в шестнадцать лет, что после этого события данные по ней все были практически стерты, нет фотографий из детства на школьных сайтах, нет фотографий с выпуска. Но ничего, несколько часов — и я обязательно спрошу у милой Софии о произошедшем. И что-то мне подсказывает, что ей придется раскрыть свои небольшие тайны, она в слишком щекотливом положении.

Уснуть в кресле за чтением книги — не самый плохой исход. В апартаментах, которые я снимаю, на втором этаже только спальня и душевая. На первом — небольшая гостиная, ванная, кухня и кабинет. И сейчас я проснулся от того, что выронил книгу. Ну что ж, мисс Престон будет в отключке еще около двух часов, а на диване я спать не намерен. Уже немного жалею, что не оставил ее в библиотеке, но с другой стороны, у всех есть прошлое, и София просто еще не справилась с ним. А может и не справится никогда, не все способны «жить дальше» без последствий, кто-то режет свою кожу, кто-то чужую.

Это всего лишь выбор, который есть у каждого.

Интересно, как сложилась бы моя история, если в прошлом нашёлся человек, который смог рассмотреть пропасть в детской душе? Стал бы я другим? Любил бы бытовую серость, мечтал об отпуске в июле, завел бы любовницу на стороне? Мне интересно, каково это, просыпаться в унынии, знать о том, что сегодня и завтра ничего не произойдет. *Никогда ничего не произойдет.* Жить только из-за того, что родился. Без выбора, без целей. Существовать. Пить пиво после работы, ругать правительство и дрочить на гей-порно, порицая себя за это.

У вас есть мечта? Вы хотите отдохнуть? Поменять квартиру или машину? А может, обжорство ваш грех? И вы мечтаете похудеть к следующему лету уже не первый год? Или вы жаждете признания? Хотите, чтобы вас узнавали на улице? Вам нужно чужое одобрение?

У меня нет мечты. Все, чего я хочу, я достигаю. У меня есть цели, и я просто иду к ним, не ища оправданий для самого себя.

Интересно, какая мечта у мисс Престон, нужно будет обязательно спросить.

Вы спите в одежде? Я — всегда. Считаю, это очень негигиенично — спать обнаженным. Всегда принимаю душ после секса, если это технически возможно, меняю постельное белье после каждой девушки, для меня неприемлемо находить чужие волосы или телесные жидкости на простыни. София — первая девушка, которая спит в моей кровати. Предпочитаю не просыпаться утром с дамами, которые предназначены для удовлетворения потребностей. Это излишне. Длинные волосы на подушке, в сливе ванны или на мыле — отвратительно. И совет найти волосы покороче не актуален. Не люблю короткие стрижки.

Ну что же. София так и лежит, свернувшись в позе эмбриона, занимая правую сторону кровати. Мою.

Может выселить гостью на диван?

Но передумываю. Я слишком вымотан, чтобы носить ее туда-сюда. Я хочу спать и даже наличие мисс Престон сейчас меня не остановит. Ложусь поверх покрывала, все больше жалея, что не оставил практикантку на полу библиотеки. Излишние проблемы, которые не входили в мой план. Надеюсь, транквилизатор вырубил ее основательно и она не будет метаться по кровати.

Будильник должен меня разбудить, через сорок минут. Не знаю как, но проснулся я на *своем месте.* Один. Это определенно плюс, если не учитывать тот факт, что Софии нет. И знаете, что я нахожу на подушке? Волос. Белый и длинный.

Нужно поменять постельное белье. Полностью.

Проверяю душ, тоже никого.

Я, кажется, забыл вам сказать, что из квартиры просто так не сбежать. Дверь закрыта на внутренний замок, а ключ лежит на самом видном месте у входа. Но как правило, сокрытое на самом виду никогда не замечают. Вы когда нибудь искали телефон, по которому разговариваете? Или очки, надетые на голову?

София не могла сбежать, хоть я уверен, хотела.

Уже спускаясь по лестнице, чувствую запах кофе. Не сказал бы, что люблю его. Предпочитаю чай или холодный виски. Чистый и безо льда. «За пристрастие к кофеину и силу его воздействия на организм отвечают определенные генетические вариации», — утверждают исследователи из Гарвардского университета. И если верить ученым, пристрастие к кофеину заложено глубоко внутри. Ну что ж, я подозревал, что со мной что-то не так.

Интересная картина. Моя практикантка в своей юбке, в *моей* рубашке и на *моем* барном стуле. Двумя руками она удерживает *мою* кружку и не пьет свой горячий напиток, а только лишь нюхает.

Итак, милая, пора тебе ответить на пару вопросов и удалиться.

— Мисс Престон.

Она так смешно вздрагивает, и кофе разливается на мою рубашку. Теперь Вы должны мне две.

София быстро поднимает свой взгляд на меня, и ее голубые глаза кажутся все еще пустыми, будто в ней нет жизни, а лишь пустая оболочка.

— Профессор Рид.

Страх. Голос немного дрожит, глаза расширены, причем нижнее веко напряжено, а верхнее слегка приподнято, рот немного открыт.

Ну что же ты, милая, я не кусаюсь.

— Профессор, простите за вчера, я не планировала…

Она не заканчивает фразу. Где та сила, мисс Престон? Где тот азарт, когда Вы подначивали толпу совершить правосудие, где тьма? Почему Вы как манекен без души, сейчас Вы серая мышь, где ваш запал?

— Не планировали ранить себя? — не смотрю на ее реакцию на вопрос, а беру белый фарфоровый чайник с открытой полки и обдаю его крутым кипятком, чтобы согреть холодные стенки. — Вы взяли мою кружку, мисс Престон.

Слышу, как кружка ставится на барную стойку, ну что же ты, я же не отнимаю ее у тебя.

— Простите, — шепот прилетает мне в спину.

— За кружку, мисс Престон, или за то, что резали себя в библиотеке?

Вновь тишина. Ну же, София, не разочаровывай меня.

— Я все помню.

— Похвально, — насыпаю чайные листья в чайник и заливаю крутым кипятком.

— Вы меня мыли.

— Вы были в крови, — достаю *не свою* кружку с полки и ставлю ее на белое блюдце.

— Спасибо, — опять шепот доносится из-за моей спины.

— Это лишнее, мисс Престон, я не хотел лицезреть Ваш труп утром в

библиотеке.

И это чистая правда.

— Спасибо, что не вызвали 911. Это лишило бы меня возможности продолжить практику.

В этом ты права, милая, и не только практику, это лишило бы тебя всего.

— Возможно, нужно было.

Разворачиваюсь и смотрю в ее голубые глаза. Они стали немного живее, чем были, в них есть небольшая искра. Но лишь немного, давай же, милая, очнись.

— Возможно…

— Вы должны мне две рубашки, одна в Вашей крови, мисс Престон, вторая в кофе.

И услуги по замене постельного белья.

— Я умею отстирывать кровь.

Так вот откуда у Вас этот навык. Вы отстирывали свою, я надеялся, что Вы убивали девственниц, участвовали в жертвоприношениях. А Вы всего лишь резали себя. Печально, милая. Я рассчитывал на большее.

— И давно Вы умеете ее отстирывать?

Ну же, мисс Престон, не заставляйте меня спрашивать, говорите сами.

Она отводит взгляд, я вижу ее сомнение, она не уверена, что готова поделиться со мной, и это понятно. Но я должен знать, это слишком интересно. Она крутит кружку с кофе на столе, так и не притронувшись к напитку, только вдыхая аромат.

— Вчера было ровно восемь лет.

Она так и не смотрит на меня, белые волосы ее закручены в небрежный пучок, несколько прядей обрамляют лицо, которое, кажется, осунулось за сутки. Спать с мокрой головой, милая, ужасная идея.

— Что послужило триггером для Вас вчера?

Я не боюсь спрашивать прямо. Мне не страшно ее обидеть. Смерть? Убийство? Состояние брата?

— У вас есть виски?

Неожиданно, милая, а не слишком ли это для тебя? В шесть утра? Слишком крепкий и мужской напиток.

— Нижняя полка в морозильной камере слева от вас под стойкой.

И она спрыгивает со стула, придерживаясь за столешницу, ее немного качает. Плохая идея — смешивать транквилизаторы и алкоголь, милая. И еще скорее всего на пустой желудок. А она достает бутылку WhistlePig Boss Hog's Black Prince Rye Whiskey по пятьсот долларов за бутылку и наливает его в хайбол — широкий стакан из толстого стекла.

— У Вас есть лед?

А у Вас есть совесть? Кто разбавляет виски водой?

— Пейте чистым.

И она опрокидывает бокал будто это русская водка, которую не смакуют и не вдыхают нюансы букета, чтобы раскрыть характер напитка. Кощунство, мисс Престон. Она немного морщится и, кажется, не дышит.

— Хороший, — она поглаживает рубашку на груди ладонью, я уверен, сейчас она ощущает, как огнь разливается по ее пищеводу. Скудная оценка для этого напитка.

— Лучший, мисс Престон.

Она наливает второй и повторяет судьбу первого бокала. Кто так уничтожает напиток? Это неприемлемо.

— Мисс Престон, Вы пьете лучший напиток, это не дешёвое пойло, которое нужно пить залпом и потом не дышать. Его нужно чувствовать, характер напитка должен раскрыться, а не умереть в Вашем желудке. Нужно прочувствовать его ноты, давать раскрыться на кончике Вашего языка, он должен возбуждать каждый рецептор, Вы должны желать его, хотеть коснуться, вкусить снова.

— Хотите меня научить пить?

Кажется, пары глотков ей хватило, ну, этого следовало ожидать. Ты осмелела, милая?

— Не хочу, мисс Престон.

Она наливает третий и опрокидывает его. Не выдерживаю, под пытливый взгляд голубых и пьяных глаз достаю вяленое мясо из холодильника и копченую красную рыбу, острым ножом нарезаю тонкие полосы и прямо на разделочной доске ставлю перед ней на стол. А она уже тянет свои руки к закуске.

— Нет, — одергиваю ее, и она покорно слушается. Наливаю одну треть от бокала, немного покручивая напиток.

— Виски пьют небольшими порциями. Несколько секунд напиток должен оставаться во рту, цепляясь за кончик языка — это усилит послевкусие букета. Потом можно сделать глоток. После того, как напиток согреет грудь, не спеша возьмите рыбу или мясо.

Мисс Престон послушно следует инструкции и больше не уничтожает напиток как варвар, делает небольшой глоток, смакуя янтарную жидкость,

потом медленно проглатывает и закрывает глаза. Она не морщится, как в прошлые разы, а лишь немного улыбается самыми кончиками губ.

— Восемь лет назад меня с подругой похитили.

Интригующее начало, мисс Престон.

Примечание к части

Рид вышел погулять.

Обладание

— Мы шли домой после вечеринки, мы были пьяны и веселы. Нам казалось, что учебный год, который начался, будет лучшим в нашей жизни. Но он не стал. И ни один из последующих им не стал.

Мисс Престон смотрит в одну точку за моей спиной. Ее ладони лежат на крышке стола, а пальцы методично ковыряют заусенцы. Никогда не замечал этой детали ее поведения. Ты всегда сдерживаешься, милая? Чтобы люди не поняли, какая ты на самом деле слабая?

— Бонни шла по тротуару и пританцовывала, я просто плелась рядом, сил на танцы не было. До дома было далеко, но мы совершенно не задумывались об этом. Просто шли. Будто навстречу мечте, новой взрослой жизни, а как оказалось — смерти… У обочины остановился автомобиль, стекло опустилось, и там сидел представительный мужчина.

Мисс Престон не шевелится, будто рассматривая что-то невероятно интересное за моей спиной. Только пальцы с противным звуком расковыривают кожу у ногтей, но она, кажется, действует на автомате, не отдавая отчет в своих действиях.

— У него были усы, аккуратно уложенные. Как сейчас помню его лицо. Благородные черты лица, острые скулы и прямой нос. Он мне понравился. С первого взгляда. Мужчина не вызывал чувства опасности, он не казался незнакомцем. Бонни он понравился тоже, я поняла это по тому, как она кокетливо накручивала прядь волос на палец, общаясь с незнакомцем. Но я поняла это уже после того, как стала изучать поведение. Тогда я даже не обратила на это должного внимания.

Как интересно, мисс Престон, это именно то, что Вы делали при нашем первом знакомстве.

— Мужчина предложил довести нас до дома взамен на услугу: показать дорогу до больницы. Он заблудился, а завтра утром, с его слов, у него должен быть осмотр у врача, его левая рука была в гипсе. Это смешно. Он сказал, что на улицах опасно. *Так и было.* И мы согласились. Как думаете, профессор, если бы мы отказались, он бы отпустил нас?

— Конечно нет.

Он охотник, он возбуждался от процесса. Такой тип серийного убийцы не первый раз видел девушек. Он знал, по какой дороге они будут идти, вот только нужны ли ему были обе?

— Бонни запрыгнула на переднее сиденье, я села сзади. Мне не хотелось разговаривать, мне хотелось спать. Я перепила пива на вечеринке.

— Вы же понимаете, мисс Престон, что он следил за вами?

Она первый раз поднимает взгляд на меня за время своего рассказа. Зрачки расширены, лицо расслаблено. София явно пьяна. Она не отвечает на мой вопрос. Не разрывая зрительного контакта, подносит бокал к губам и делает

большой глоток, из угла губ по подбородку скатывается янтарная жидкость, оставляя влажную дорожку. И повисает каплей, готовясь сорваться. София не морщится. Не перестает дышать. Но сомневаюсь, что сейчас она готова прочувствовать характер напитка. Она слишком пьяна.

— Конечно. Я не настолько тупа, чтобы не понять этого. По крайней мере, со временем.

О, милая, не обижайся. Я уже понял, что ты не так проста, как хотела казаться при первой встрече. Капля срывается с подбородка и впитывается в некогда белоснежную ткань *моей* рубашки. А практикантке будто все равно, что сейчас она столь неопрятна. Мисс Престон, Вы всегда так наплевательски относитесь к своему внешнему виду? В университете Вы одеты с иголочки, но сейчас на голове сущий беспорядок, рубашка пропитана кофе и виски. Между зубов виднеется кусочек вяленого мяса. Если бы мне было не столь интересно, я бы точно не сдержался. И отправил милую Софию восвояси, вызвав ей такси. Но любопытство заставляет молча слушать рассказ.

— Бонни начала показывать ему дорогу и рассказывала, как добраться до больницы, там езды было минут пятнадцать до нашего дома. Бонни жила в соседнем доме, она была на два года старше меня. Я отключилась. Не знаю как, я просто прислонилась головой к двери машины и выключилась. В салоне играла тихая музыка, пахло мужским одеколоном и сигаретным дымом. Каждый раз когда я чувствую, как кто-то курит рядом со мной определенную марку сигарет, я впиваюсь ногтями в ладони до тех пор, пока не почувствую, как выступает кровь от давления. Только тогда я могу переключиться.

И она замолкает. Кажется, что ее рассказ закончен. Мисс Престон опять рассматривает пустоту сосредоточенным взглядом. Я на секунду не понимаю, почему она вдруг успокоилась.

Кровь.

Кровь на разодранных заусенцах. Она успокоила себя. Доставив себе облегчение в виде боли.

— Что было дальше?

Это слишком интересно, чтобы оставить все, как есть. И мне все равно, что мисс Престон не хочет это вспоминать. Возможно, я узнаю ее историю.

— Мне не хотелось бы.

Мне все равно, милая.

— Выпейте еще и продолжайте рассказ.

Она поддается. Отпивает еще один глоток обжигающего напитка. Ставит бокал на столешницу и прикрывает глаза. Будто вспоминая, но зачем? Ты же не забыла.

— Я росла некрасивым ребенком, у меня были брекеты, маленькая грудь и тридцать восьмой размер ноги в шестнадцать. А Бонни красавица. Была.

Значит, то приключение закончилось не для всех хорошо. Ну что же, бывает.

— Смуглая кожа, черные гладкие волосы, длинные ноги. По сравнению с ней я была хуже серой мыши. Я не была его целью, ему нужна была она. А я просто оказалась рядом. Я очнулась от того, что меня выволакивали из машины. Я плохо помню, что было дальше. Тупая боль в затылке, и я отключилась.

Все же наливаю себе чай, увлекательный рассказ под крепкий горячий напиток. Пока я наливаю чай, мисс Престон молчит. Как только я разворачиваюсь, она продолжает свою историю. И, кажется, каждое новое слово давалось ей легче предыдущего. Или это алкоголь развязывает ее язык, или время.

— Я очнулась на холодном бетоне, первая мысль, как сейчас помню, о том, что у меня болят почки от холода. Но я еще не знала, что это только начало. На моих запястьях были наручники, и цепью они пристегивались к крюку, который торчал из бетона. Я не понимала, где я нахожусь и что происходит. В голове гудело, очень тошнило. Я, кажется, пролежала на полу вечность, не решаясь пошевелиться. Это было страшное место. Кирпичные стены, небольшое помещение, оно походило на подвал. Там не было окон, только тусклая лампочка с желтым светом. Пахло сигаретами и мочой.

Две похищенные девушки, история, которая произошла восемь лет назад. Восемь лет назад в Вашингтоне была совершена серия убийств с изнасилованием. Каждая жертва была похищена, их искали очень долго, но в этом штате нашли только двух. Одна была мертва уже не первый день. Вторая — живая. Но в тяжелом состоянии. Мне так и не удалось выяснить имя девушки, которая пережила Теда Танди.*

— Милая, уточняющий вопрос: ты из Вашингтона?

Если ты скажешь «да», это станет настоящим подарком.

— Как Вы узнали?

Мог ли я подумать, что спустя восемь лет встречу человека, которого искал? Я мечтал посмотреть в глаза ее страху, увидеть в них боль от случившегося. Услышать рассказ от первого лица, чтобы окунуться во весь ужас темного подвала.

— Это было не сложно, мисс Престон. Я сопоставил даты и начальные описания. Теодор всегда следил за жертвами и часто появлялся с гипсом, прося о помощи.

Я вижу, как при упоминании имени похитителя София сжимает руки в кулаки. Готов поспорить, она почувствовала фантомный запах сигарет.

— Милая, он давно в гробу и не курит за твоей спиной. Он больше не владеет тобой.

Танди — первый из серийный убийц, который признался в своих мотивах. «Владение». Он воровал, насиловал, чтобы именно владеть. Он не хотел страха, власти или признания. Ему нужно было владеть угнанной машиной, украденным костюмом, жизнью. Танди был не просто любителем, он был профессионалом

криминалистики и психологии. Вы слышали про убийцу с Грин-Ривен? Он первый составил его психологический портрет, уже находясь под стражей. Идеальный портрет. Если бы правоохранительные органы прислушались, то не ловили бы его еще семнадцать лет. И кстати, так и не поймали, а лишь вычислили личность с помощью анализа ДНК и то после смерти.

Милая, ты встретила звезду.

София расслабляет руки и поднимает свои пьяные глаза на меня, на секунду в них что-то мелькает. Какая-то идея, которая мне пока непонятна. О чем ты подумала? Что в моих словах заставило тебя задуматься и так внимательно смотреть на меня?

— Он не владел мной. И я знаю, что его казнили. Его поджарили на электрическом стуле в сотне километров от Майами.

О, милая, а что же он делал? Сказки тебе читал?

— Только насиловал?

Если вы думаете, что сейчас мне должно стать жаль мисс Престон, то вы ошибаетесь. У всех есть своя история, но никто не заслуживает жалости. Это низменное чувство, оно оскорбительно. Оно указывает на слабость и никчёмность. Никто не заслуживает жалости. Моя практикантка берет бокал с виски и допивает за один глоток, а пустой хайбол ставит на стол.

— Он не насиловал меня, профессор.

Невероятные подробности. Этого не было ни в одной статье. Великолепно.

— Он заставлял Вас смотреть?

Ну, конечно, невзрачная студентка и красивая подружка. Конечно, он захочет в начале подружку покрасивее. Он, наверное, просто не успел добраться до Вас, мисс Престон? Не сомневаюсь, что он не оставил бы тебя, милая.

— Да, — голос Софии дрожит, только не плачь, милая, не люблю эти сантименты. — Он насиловал Бонни много дней и каждый раз заставлял меня смотреть. Он берег ее лицо, ни разу не ударив по нему, даже когда она умерла у меня на глазах, на ее лице не было ни одного синяка. Что нельзя сказать о ее теле. Вы знаете, что такое медицинский расширитель, профессор Рид?

— Я до последнего сомневался, что в газетах писали правду.

Девушка скончалась от внутренних повреждений и кровопотери. В желтой прессе писали, что ее разрывали изнутри медицинским расширителем, и использовали его в процессе утех.

— Каждый раз когда я отворачивалась, он в начале бил меня, а потом причинял Бонни еще больше вреда. В первый день он заставил смотреть, как она стояла голая перед ним на коленях и делала ему минет. Я отвернулась, я не могла смотреть. Тогда он ударил меня ногой в живот, отвлекшись от процесса. А потом три раза ударил Бонни по ребрам ногой. Но он почему-то заботился о ней. Он водил ее мыться, расчёсывал ее волосы. Меня он лишь бил ногами, он ни разу

не прикоснулся ко мне ничем, кроме ботинка.

О, милая, его просто поймали раньше, он не успел.

— Он бил, чтобы я очнулась, иногда мочился на меня. Но я не возбуждала в нем его похоть. Я была слишком уродлива. Я помню свое состояние, мне хотелось умереть, я была готова закончить все там. Я не хотела чувствовать боль, голод и жажду. Я не хотела смотреть, как на моих глазах умирает подруга. А она умирала, я понимала это. Видела, как она лежала на кушетке, я же все время была на бетоне. Из ее глаз уже не текли слезы. В них была пустота, она лишь редко моргала. На какой-то день она стала просто как кукла, она больше не кричала, не просила ее не трогать, она лишь лежала на матрасе на металлический кровати и прижимала колени к груди.

И в этот момент ему стало скучно.

Я почти уверен, что как только подруга сдалась, он потерял интерес к ее телу. Он понял, что *завладел.*

— И он убил ее?

София даже не вздрогнула. Пока она медлит с ответом, решаю налить ей еще один хайбол. С таким успехом я опоздаю на лекции. Но это лучше каждой их них.

— Он делал это медленно, изощренно. В тот раз он не разбудил меня. Я сама проснулась от криков, которые, как я думала, уже не услышу. Он привязал Бонни наручниками к кровати, завел руки ей за голову и максимально раздвинул ее ноги. Я очнулась в тот момент, когда он стоял перед ней совершенно обнаженный, а она кричала, зная, что ее ждет. Он вставлял медицинский расширитель ей в вагину, уничтожая ее. Он не заставлял меня смотреть, но я будто в бреду не могла отвести взгляд. Кровь пропитала гнилой матрас и начала капать на бетонный пол. Я в первый раз сжала ладони и в первый раз будто отключилась. Я не слышала крика, я смотрела, как капля за каплей падает на пол. Я не смотрела на него, на нее. Я не слышала ничего, кроме звука капающей крови. Тот раз стал последним. Она не пережила его. Смуглое лицо все еще было без единого изъяна. Кроме гримасы боли. А потом он совершил то, что до сих пор снится мне ночами. Он отрезал голову и в последний раз совокупился с телом, которое еще не остыло.

Тишина повисает на кухне. Интересно, а знаешь ли ты, милая, как он использовал отрезанные головы? Он насиловал их до тех пор, пока они не начинали гнить. Потом просто выкидывал их в лесу или сжигал в камине своей девушки.

— Мисс Престон, Вы знаете, как долго провели там?

Это удивительно, но у жертв насилия и похищений время воспринимается по иному: человеку может показаться, что он пробыл в заточении неделю, а по факту, не один месяц.

— Врачи говорят, что пять месяцев. Но я не верю им. Это слишком долго. Я бы не выжила так долго. Бонни не протянула бы столько.

В прессе писали, что найденная девушка была истощена. Одна была мертва и начала разлагаться, а вторая — на грани жизни и смерти. В газетах было несколько фотографий из того подвала. Две цепи, два ведра, которые служили уборной. Девушек кормили и поили, но после того, как первая погибла, Теодор оставил это место. Его случайно остановили для проверки документов, а в багажнике нашли кое-что интересное. Он совершил лишь одну ошибку при похищении: был один свидетель, который рассмотрел гипс и марку авто.

И последний факт, который был в газетах: мертвая девушка была на третьем месяце беременности.

— Врачи Вам не лгали, мисс Престон. Вас искали почти полгода. И никто не надеялся найти живой даже одну из вас.

Бокал с холодным виски стоит на столе, от разницы температур на внешней стороне стекла появился конденсат, и София стирает его пальцем. Не собираясь продолжать разговор. После продолжительного молчания она все же поднимает на меня свои голубые глаза.

— Лучше бы не нашли.

О, милая, зря ты так. Смерть от разрыва органов малого таза, ощущать, как из тебя буквально вываливаются органы вперемешку с кровью, думаешь, это лучше?

— Вы пробовали суицид?

Шестьдесят процентов не справляются с прошлым. Вы в этом числе?

— Я слишком слаба, я хотела порезать себе вены, но смогла лишь оцарапать кожу, и в этот момент я впервые после подвала ощутила покой.

На людях ты пропарываешь ладони ногтями. А наедине ты причиняешь себе травмы порезами. Интересный выбор. Так почти невозможно заподозрить неладное.

Она стерла весь конденсат с бокала и все же поднимает взгляд на меня. Ее спина неожиданно выпрямляется, а голубые глаза больше не кажутся пустыми. Она подносит руку к вороту моей рубашки, расстёгивает верхнюю пуговицу и вытирает влажную ладонь о когда-то белую ткань, немного расправляет плечи и наклоняет голову в бок, с вызовом смотря на меня?..

Удивите меня, мисс Престон.

— А как началась Ваша история, профессор Рид? В подвале или с детского дома? Может, детская травма? Удивите меня.

Примечание к части

*Теодо́р Ро́берт (Тед) Ба́нди - американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е годы. Его жертвами становились молодые девушки и девочки.

пс. спасибо за отзыв

Примечание к части Рид вышел погулять.

Стыд

Я понял, что молчание затянулось. Как началась моя история? Как практикантка могла узнать то, что я скрывал годами?

— С автомобильной аварии, мисс Престон, — не выдаю свое лёгкое волнение. Мои плечи расслаблены, я не ищу, чем бы занять руки, чтобы отвлечься. А София изучает меня любопытным пьяным взглядом, немного наклонив голову в бок.

В детстве я был направлен к психологу, чтобы преодолеть детскую травму. Сейчас будто вернулся в ту душную комнату с неудобной кушеткой. А София перестает прожигать меня взглядом и быстро переключается: закидывает ногу на ногу, пытаясь удержать равновесие, сидя высоко от пола.

Не упади, милая.

И без того короткая юбка немного задирается, и становится видно края порезов на бедрах. Но ее сейчас это, кажется, совершенно не беспокоит. Она слишком пьяна, чтобы думать о таких мелочах, или я вошел в «круг ее доверия». Если у нее имеется такой. Чего не хотелось бы. Встречали ли вы таких людей? Которые после первого контакта раскрывают вам душу, вываливая на вас все свои страхи и проблемы? Рассказывают истории из детства, забавные клички собак. А вы находитесь в замешательстве. Как вести себя с такими личностями? Мило улыбаться в тех местах разговора, где от вас ждут? Быть вежливым? Я предпочитаю быть откровенным. Если мне не интересен разговор, человек, процесс, я останавливаю разговор, останавливаю человека и сам процесс. Зачем делать то, что не доставляет удовольствия? Ради общества, ради правил приличия или…?

— Вы кого-то сбили?

Она запускает руку в свою растрёпанную шевелюру и распускает волосы, отчего они как белая солома раскидываются по ее спине и плечам. *Вам бы причесаться*. София внимательно на меня смотрит, и кажется, что она задала не тот вопрос, который хотела. Что Вам известно? Насколько много Вам удалось узнать? Как давно Вы изучаете меня?

— О, милая, конечно нет. Я прекрасно вожу и всегда внимателен на дороге.

София начинает накручивать прядь волос на палец, но в ее взгляде нет ничего заигрывающего, это будто развлекает ее и одновременно отвлекает от плохих воспоминаний.

— Почему «милая»? Я после такого обращения чувствую себя шлюхой, профессор Рид.

Верно чувствуешь.

— Я называю так всех женщин.

Всех, с кем спал или планировал. Но Вы, мисс Престон, больше не в списке. Я

видел больше, чем хотел, за последние двадцать четыре часа. Вы все еще привлекательны, но Ваш внешний вид, повадки… Даже сейчас Ваша юбка сексуальна, она открывает прекрасный вид на ноги, но то, как Вы ведете себя, как говорите. Пятна на *моей* рубашке, неопрятные волосы, кусочек вяленого мяса между передними зубами. Меня совершенно не пугают шрамы, меня в целом сложно напугать.

— Я не все, мне не нравится.

Она недовольно надувает губы, будто ребенку не дали игрушку. Мисс Престон, Вам не шесть лет. Перестаньте дуться. Конечно, Вы особенная, Вы видели глаза маньяка, Вы видели кровь, которая пропитала гнилой матрас. Вы видели смерть, Вы чувствовали ее на кончике языка. Она горькая, немного солоноватая и ледяная. Как пол Вашего подвала восемь лет назад. Вы ощущали озноб. Вы точно особенная, мисс Престон. Таких, как Вы — единицы. Но несмотря на всю Вашу индивидуальность, Вам пора.

— В мои планы не входило делать то, что Вам могло бы понравиться.

Что за откровенные разговоры? Пора спроваживать практикантку домой, я узнал ее историю, больше нет необходимости в ее обществе. И сегодня я увижу девушку, которая сбежала от Зодака. От предвкушения я даже чувствую легкое возбуждение во всем теле. Жертва сбежала, хоть я и уверен, он разрешил ей. Но зачем он похитил беременную девушку? Она не похожа на потенциальную жертву и не подходит под шаблон. Она не изменяет мужу…или все же? Но как? Вопрос мисс Престон отвлекает меня от размышлений. Кажется, я понял. Почти.

— А Дейзи понравилось?

Она перестает дуться и накручивать прядь на палец, а голубые глаза будто трезвеют за секунду. Теперь розовые губы немного сжаты, а пальцы сжимают пустой бокал. Это что? Ревность? Это так мило, София, но так глупо.

— Вероятно, да.

Мне нравится ее реакция, хоть я ее и не ожидал. Ревность — удивительное чувство, близкое к зависти. А я так люблю изучать человеческие грехи, они такие сладкие.

— А Вам? — глаза девушки немного сужаются, и она их закрывает на секунду. Вы не хотели задавать этот вопрос?

— Предпочитаю делать только то, мисс Престон, что доставляет мне удовольствие.

Охотиться, наблюдать за угасающей жизнью, смотреть, как человек сгорает будто фитиль, пытаясь держаться до конца. Смотреть на страхи, наслаждаться и предаваться греху. Кладу ладони на поверхность стола и немного нависаю над ним, сокращая расстояние до практикантки.

— В Вегасе я напилась и целовалась с Дейзи, она хотела продолжения, но я испугалась.

Чего? Секса? София распахивает глаза и, кажется, ее совсем не смущает то,

что я стал немного ближе к ней сейчас. Между нами теперь только барная стойка, которая заменяет нам стол.

— Я испугалась, что она заметит шрамы, а мне не хотелось их обсуждать.

В моей голове была картинка поинтереснее, чем стыд. Вы что, милая, ни разу не предавались греху? Не поверю.

— И что же, скажете, что Вы невинны? В двадцать четыре года.

Абсурд.

И практикантка начинает смеяться над моим вопросом. Хотя смехом назвать это сложно. Откуда ты такая, милая? То ты само совершенство — выглаженная одежда, ухоженные волосы и приятный тонкий аромат — то как сейчас, будто приехала с фермы. София продолжает наполнять комнату неприятным звуком, и желание выставить ее за дверь увеличивается с геометрической прогрессией. Не думал, что человеческий смех может быть столь неприятен.

— Конечно нет!

Она немного успокаивается и собирается с силами, чтобы ответить, пытаясь угомонить приступ смеха.

— Я же не монахиня, ну просто это было слишком уж романтично, что ли, с Дейзи. Она бы точно не стала выключать свет. А я так не могу. Что вообще за вопросы? Вы еще спросите, сколько у меня было партнеров.

Ну, если учитывать, что до шестнадцати Вы были не очень, полгода заточения, несколько лет на восстановление и реабилитацию. Потом, думаю, Вы решили быть против «системы», показать, что Вы обычная, молодая и живая, а не с поехавшей головой и проблемами с причинением вреда себе. Если начать в двадцать, не менять партнеров слишком часто, но и не сближаться с ними до задушевных разговоров и секса при свете. Думаю, не больше пяти.

— Пять?

А глаза мисс Престон округляются. Это было не сложно, милая.

— У меня что, это в личном деле написано? А там может есть и позы любимые?

А ты забавная.

— Поз там нет. Как и партнеров. Я думаю, Вам пора, мисс Престон. Вам вызвать такси?

Я бы предпочел, чтобы она просто испарилась из моей квартиры. Не заполняла ее неприятным смехом, не пила виски на рассвете, не уничтожала мои вещи. Но по виду девушки можно понять, что она не ожидала такого поворота.

— Профессор…

Да милая, ну давай, я готов слушать слезливые истории, но прошу, не долго, меня ждут интересные дела.

— Я не могу вернуться в квартиру. Там все напоминает о Фло. Я уговорила ее отказаться от гостиницы и оставить вещи у меня. Может показаться, что я совершенно не переживаю за брата, но Вам не понять. Никому не понять.

Мисс Престон спрыгивает с барного стула и начинает ходить по кухне, я же перестаю упираться руками в стол и сажусь на стул. А она ходит из одного конца комнаты в другой. Немного раздражает ее мельтешение. Я так и не налил себе чая, заварка уже остыла, растеряв глубокий аромат вместе с температурой.

— Он должен был забрать нас с вечеринки тогда, давно.

Девушка стоит ко мне спиной, но мне не нужно видеть ее лицо, чтобы понять ее эмоции. Плечи напряжены, спина слишком прямая.

— Все совершают ошибки, мисс Престон.

Я готов сказать что угодно, лишь бы она ушла.

— И Вы тоже? Профессор Рид?

София разворачивается и закидывает волосы за спину, моя уже не белая рубашка закрывает почти всю юбку, надетую на нее, ворот немного перекошен, только сейчас замечаю, что она ее криво застегнула. Ну что с Вами не так? Не думаю, что мне нужно отвечать на этот вопрос. Я посчитал его риторическим.

— Та кровь, на вороте вашей рубашки.

Интересно. Продолжай, милая.

— Вы смогли вывести кровь?

— Я ее сжёг.

Незаметно выдыхаю. Ощущение, что я хожу по горящему канату. Каждый вопрос, каждое утверждение. Будто у каждого ее слова есть вторая сторона. Другая. И с той второй стороны она знает меня будто изнутри. Знает, о чем нужно спрашивать, чтобы я начал переживать. Переживаю ли я? Скорее да. Я никогда не думал, что мне придется сделать, если кто-то раскроет мою вторую личность, кто увидит в моей душе все семь грехов.

Что мне сделать с этим человеком? Принять? Понять? Убить?

Что мне придётся сделать, если София узнает обо мне больше, чем доступно?
Смогу ли я сохранить себя, не убивая ее? Она не кажется мне опасной. Точно не сейчас. Может позже?

— Я тоже сожгла.

Она смотрит на меня, а я все еще сижу на барном стуле. Что ты сожгла?

— Рубашку?

Человека?

— Да.

— Почему не выкинули?

Почему не отпустили?

— Ее нельзя было спасти, она пропиталась кровью.

— Вам понравилось?

Вы почувствовали это греховное, низменное чувство? Когда возбуждают страдания человека?

— Это было лучшее, что я делала в своей жизни.

София делает два шага в мою сторону. Еще один, третий. Она подходит почти вплотную. С этого расстояния могу коснуться ее рукой, если захочу. Ее тонкие пальцы ложатся на мои колени и медленно поднимаются вверх по бедру, поглаживая ткань черных брюк. Возбуждает ли меня ее поведение? Ее действия? Глаза, в которых сейчас плескается тьма и похоть? Больше да, чем нет. Мисс Престон подходит ко мне вплотную. Сейчас мы с ней на одном уровне, и мои глаза смотрят прямиком в ее.

Ее пальцы поднимаются выше, уже задевая ремень брюк. Она сокращает расстояние между нашими лицами. На ее носу немного веснушек, а белки глаз покрыты красными капиллярами. Совсем немного мелких морщинок на лбу, это из-за того, что она часто хмурит брови.

Красивая ли она? *Да.*

Хочу ли я ее? *Возможно.*

Возьму ли я ее на этой барной стойке?

Примечание к части

Эстетика: https://www.instagram.com/p/CSBwZ6oMh7d/?utm_medium=copy_link

Злость

Красивая ли она? *Да.*

Хочу ли я ее? *Возможно.*

Возьму ли я ее на этой барной стойке? *Никогда.*

Губы мисс Престон растягиваются в улыбке, и я вновь замечаю там кусочек вяленого мяса. Что может быть сексуальнее? *Все.*

— Милая, это лишнее.

Перехватываю ее ладони. Майами, жара, тропический муссонный климат и холодные пальцы практикантки. У Вас проблемы с кровообращением, мисс Престон?

Она вырывает свои ладони из моих рук и делает шаг назад. Вы что? Обиделись?
Вы не принимали душ с утра, не чистили зубы как минимум. От Вас несет перегаром и виски. Секс — это последнее, что Вам сейчас нужно. Секс с Вами — последнее, что нужно мне.

— Это все из-за шрамов?

Интересная теория, милая. Ты жила с этим страхом последние годы?

— Нет, мисс Престон. Это из-за того, что от Вас несет перегаром, между Ваших зубов застрял кусок вяленого мяса. Если это малый список, готов его продолжить.

— И Вам все равно на шрамы и мою историю?

Это что? Радость? Губы опять растягиваются в улыбке, показывая застрявшую пищу. Как это противно, давайте еще начните ее выковыривать ногтем и съешьте то, что достанете.

— Дело не в шрамах и не в истории, — поднимаюсь со стула и подхожу к заварнику, что может быть хуже остывшего чая? — Дело в Вас, мисс Престон. В Вашем поведении, манерах.

Наливаю заварку в белую фарфоровую чашку. Вы знали, что последователи чайных традиций мира утверждают, что самым лучшим материалом для чашки является фарфор? А все благодаря тому, что натуральный, чистый фарфор, реагируя с горячим чаем, не вступает с ним вообще ни в какие реакции. Соответственно, вы будете чувствовать только вкус чая. Что же чувствую я? Ничего хорошего.

— О, поверьте, Вы тоже не ангел.

Слышу из-за спины, как отодвигается стул, издавая неприятный скрип. Оборачиваюсь через плечо и вижу, как практикантка уже сидит на *моем* месте и левый кулак подпирает ее щеку. Надеюсь, она не напускает слюней на *мой* пол.

Что за манера присваивать *мои* вещи? Рубашку, место?

— Вы не знаете меня, мисс Престон.

Надеюсь.

— Вам тридцать пять. Вы скорпион по гороскопу. Не были женаты, у Вас нет детей.

Определенно. Я слежу за последствиями.

— Вы преподаете в университете пять лет, Вам предлагали должность декана. Вы отказались, — скучающим голосом произносит София из-за моей спины.

А это уже любопытно. Эта информация была только на моей личной почте.

— Вы искали дома с подвалом в google. Мечтаете переехать?

Если только Вас машиной. Конкретно сейчас.

— Подумываю.

Не оборачиваюсь и бесшумно смешиваю заварку с кипятком, не прислоняясь ложкой к фарфоровым стенкам, соблюдая этикет.

— Я так и подумала, жаль, что далеко от университета и в неблагоприятный район. Что будете хранить в подвале?

Ваш труп в морозильной камере.

— Утварь для рыбалки.

Разворачиваюсь и удерживаю кружку с чаем, хоть напиток и горячий, но он безнадежно испорчен. Вы знаете, как испортить свежезаваренный чай? Не выпить его вовремя. Вся поза Софии выдает ее спокойствие, плечи расслаблены, рука, которая не придерживает подбородок, свободно лежит на коленях, взгляд немного сонный и скучающий. Если ты знаешь, кто я, милая, почему ты такая расслабленная?

— О, Вы рыбак? Никогда бы не подумала.

Голубые глаза смотрят на меня через поволоку усталости. Будто она не заигрывала со мной несколькими минутами ранее. Вы узнали про меня так много, но не узнали, что я арендую здание у залива в рыбацком районе? Не поверю.

— Я же говорю, Вы не знаете меня, мисс Престон.

Говоря это, я уже сам не верю своим словам. София знает обо мне больше, чем это возможно. Она знает мои поисковые запросы с личного ноутбука, который лежит в столе спальни со сложным паролем. Но есть один нюанс: письмо с предложением стать деканом пришло четыре года назад и давно удалено.

— Как и Вы меня, профессор.

София зевает, благо, прикрывая рот рукой, хоть капля манер все же есть в этом человеке. Она медленно слезает с высокого стула, касаясь ногами пола и придерживаясь рукой за стол для равновесия.

— Как думайте, профессор, — она опять зевает, широко раскрывая рот. — Мы сможем работать вместе?

— Работать?

Не понимаю сути ее вопроса, конечно нет. Какая работа может меня связывать с моей практиканткой? Я уже осознал, что она хранит большое количество тайн, как и из прошлого, так и из настоящего. Она явно давно изучала меня, как много ей удалось узнать?

Все? Что теперь делать мне? Делать вид, что я не понимаю подтекста? Поговорить по «душам»?

— Вы пока подумайте, — она оборачивается вокруг, что-то ища в комнате, ее взгляд тормозит на часах микроволновки. — У Вас встреча с детективом через сорок минут, а я пока посплю.

А время встречи пришло на телефон смс ночью. Как Вы это узнали?

Мисс Престон делает шаг в сторону лестницы, которая отведет ее на второй этаж апартаментов. Вот так просто, без вопросов расхаживаем по моей квартире.

— Зачем были эти дешёвые заигрывания, *милая*?

Мне правда интересно, при первом нашем знакомстве она кокетничала, убирала локоны за ухо, светила лямкой бюстгальтера. Зачем нужно было делать это все, когда она следила за мной минимум четыре года?

Практикантка останавливается и разворачивается в мою сторону, на губах вновь появляется улыбка, но сейчас не такая как в прошлые разы, сейчас она более легкая. Будто мы перешли на новую ступень отношений. Нет, не *отношений*. Взаимоотношений. Меня не могут связывать с ней отношения.

— Мне было любопытно, падки ли Вы на тупой флирт.

Нет конечно. Какие глупые предположения. Я искренне не понимаю мисс Престон. Она не укладывается ни в одни рамки поведения.

— Плюс, — она опять сдерживает зевок. — Что же вы мне вкололи, что теперь так хочется спать? Плюс, я хотела вживую посмотреть, как Вы составляете психологический портрет. Это, кстати, было за гранью, я даже возбудилась, честное слово.

Откуда Вы знаете, что я Вам что-то вколол?

— Вы могли просто попросить.

Вру, не могла. Я бы не взял ее с собой.

— Могла бы, но разве Вы взяли бы меня с собой?

— Нет.

Она вновь разворачивается, намереваясь покинуть комнату.

— Увидимся за ужином, *милый*.

Вариант «убить» уже не кажется мне настолько плохим.

***

Детектив Стивенс нервно расхаживает по кабинету, который больше напоминает аудиторию в университете. На нем все тот же костюм, и по внешнему виду мужчины можно подумать, что ночевал в участке. Для оперативной группы выделено большое помещение, на стене была доска с фотографиями, как в лучших традициях детективных сериалов, не хватало лишь красных нитей, намотанных на иголки.

— Это не укладывается во все поведенческие нормы Зодака, — детектив продолжает ходить по кабинету. — Зачем ему беременная женщина? У нее даже нет любовника.

Это я и собираюсь узнать.

— Когда я смогу встретиться с жертвой?

Я приехал сюда именно ради этого, а не для обсуждения теорий с детективом. Нужно отдать им должное: с первого убийства в Майами прошло чуть более двадцати четырех часов, а в кабинете уже лежали папки со всеми документами о прошлых убийствах, допросы всех свидетелей. На стене висел небольшой телевизор, чтобы можно было просмотреть допросы, записанные на электронные носители. Но в кабинете не было никого, кроме меня и детектива, и лишь стук его каблуков нарушал тишину.

— Думаете, сможете узнать что-то новое?

Уверен.

— Взгляну на женщину свежим взглядом. Возможно, смогу уловить что-то новое.

Детектив Стивенс кладет на стол бежевую папку с номером 132, забираю ее и открываю:

Кэтлин Джонс, 23 года. Восьмой месяц беременности.*

С фотографии из личного дела на меня смотрит молодая девушка с короткой черной стрижкой, фото было сделано сразу после того, как она обратилась в полицию и заявила о том, что сбежала от серийного убийцы. Знаете, что

удивительно? Ей не поверили сразу, посчитав ее сумасшедшей. Но когда она стала на весь участок описывать мужчину, до дежурного дошла информация, что возможно она не лжет. Знаете, как просто можно похитить женщину? Чтобы она сама села к вам в машину?

«Вечером 7 сентября 23-летняя Кэтлин Джонс направлялась из Сан Бернардино в Петалуму, где проживала её мать. Джонс была на восьмом месяце беременности. Проезжая в районе города Хомстед, она обратила внимание, что водитель автомобиля, следовавшего за ней, подаёт ей звуковые и световые сигналы. Джонс съехала на обочину и остановилась. Автомобиль, ехавший за ней, остановился также. Из него вышел мужчина, который сообщил Джонс, что правое заднее колесо её автомобиля шатается, и предложил подтянуть болты, фиксирующие его. *Умно, неправда ли?* Закончив работу, мужчина попрощался, сел в свой автомобиль и уехал. Как только Джонс стала выезжать на шоссе, колесо отвалилось. *Какая неожиданность.*

Мужчина тут же вернулся и предложил подвезти её к ближайшей автозаправочной станции, где она могла бы обратиться за техпомощью. Джонс села к нему в автомобиль, не задумываясь. Незнакомец возил их около полутора часов по окрестностям города Лежер — Сити. За это время они проехали мимо нескольких АЗС. На вопрос Джонс, почему они не останавливаются, мужчина не ответил, сменив тему разговора. В какой-то момент они остановились на перекрёстке и водитель якобы сообщил Джонс, что убьёт её. Женщина выпрыгнула из автомобиля и побежала. Водитель закрыл дверь автомобиля и уехал. Джонс на попутке добралась до отделения полиции, расположенного в городе Хосмстет — Бейс.

В полиции Джонс обратила внимание на портрет разыскиваемого преступника, и сообщила, что этот человек является её похитителем. Опасаясь, что Зодак может явиться в полицейский участок и расправиться с потерпевшей, дежурный сержант велел Джонс спрятаться в местном кафе. *Придумать глупее было бы сложнее.* Через час нашли автомобиль Джонс: он был выпотрошен и сожжён — предположительно человеком, похитившим Джонс. В последующие часы Джонс изложила несколько версий произошедшего с ней в эту ночь. Как правило, она заявляла, что тот человек угрожал убить её. Сначала Джонс рассказала дежурному, что после того, как она выскочила из автомобиля, похититель последовал за ней и какое-то время пытался отыскать её в темноте, подсвечивая фонариком. Тем не менее, детективу она сообщила, что мужчина не выходил из автомобиля».

Закончив читать, я отбросил папку обратно на стол. Весьма непостоянные показания. Идеальное преступление, чтобы сбить полицию со следа. В очередной раз восхищаюсь мелочами, подходом к делу.

Ну что же, Кэтлин, давайте побеседуем?

Примечание к части

*Кэтлин Джонс (англ. Kathleen Johns) - на самом деле сбежала от Зодиака 22 марта 1970 года.
Некоторые моменты похищения изменены.

Примечание к части Мисс Престон поднимается по лестнице на второй этаж.

Абсурд

Можно ли любить аромат кофе, но не любить напиток?

Можно, я очень люблю этот терпкий запах, люблю, как вкус горечи и жареных зерен оседает на языке. Как лёгкие наполняются теплом, запахом и воспоминаниями. Волосы Бонни всегда пахли кофе. Не знаю, это шампунь или любое другое средство по уходу, но кофе всегда был ее ароматом. Я не пила кофе восемь лет. Я вдыхаю его аромат, но не ощущаю вкус. Сумасшедшая ли я? *Определенно.*

В последние пять лет я установила математическую закономерность пойманных преступников, как и количество раскрываемых преступлений. Вы думаете, раз я прохожу практику на кафедре психологии, я люблю ее? Нет. Я ненавижу. Но прошлое заставило сделать необходимые выводы. Которые привели к последствиям.

И теперь я практикантка там, что не люблю. И мой куратор - не побоюсь этого слова - лучший в своем деле.

Профессор Рид.

Во время прохождения реабилитации в шестнадцать я увлеклась информатикой, базами данных, программированием. Это помогало отвлечься. Двоичная система исчисления была такой простой, такой понятной. Изучая ее, я выключала память, ставила блок на воспоминания, временно стирая информацию на своем жестком диске. Но это первое мое увлечение.

Я не люблю психологию как науку, простите меня за это. Я люблю психологию поведения, действия, мотивы. Как я вышла на профессора? Сложно, но интересно. Он надежно затаился, ничего не могло его выдать. Но одну закономерность я все же нашла.

Раскрываемость его преступлений.

Самый высокий процент в штате Флорида. Кажется, что может быть не так? Но был один момент, который меня насторожил. Серийные маньяки, совершившие тяжкие преступления, всегда пропадали без вести. Совпадение?

А как вы сами думаете?

Я словно Алиса в мире абсурда. Где «Грех и Печаль всего лишь слова — пустые слова, которые ничего не значат»*.

Но они значат, для меня. Я прыгнула в кроличью нору, я последовала за Белым кроликом, но мой проводник оказался убийцей. Знала ли я это тогда? *Нет.*
Могу ли я сейчас определить данный тип личности? *Да.*

Что я и сделала. Я вычислила *его*, в кинематографе его называли Абсолютом, в литературе просто гусеницей. Но я нашла *его*, сидящего на своем величии,

умного, курящего и размышляющего. Гусеница говорила, что нужно всегда держать себя в руках. По мнению философа Питера Хита, Гусеница придерживается философских взглядов Локка на неизменность личности, которая выражается в устойчивости памяти. А другими словами? Нужно быть собой? Ведь какая разница, если за гримом скрывается настоящая личность? Стоит лишь его смыть.

И я нашла его, человека, который был собой. Представьте мое удивление, когда я увидела, что значит в его понимании «*быть собой*». Понравилось ли мне? Возбудилась ли я? Позавидовала ли я?

А как вы думаете?

За последние восемь лет, я поняла одну простую истину: люди *ненормальные*. Они вечно опаздывают, живут в своих домиках, суетятся и постоянно смотрят на часы по два раза. Ведь с первого невозможно запомнить.

Вы тоже смотрите на телефон дважды?

В каждом из нас живет Белый кролик. Каждый их нас доставляет неудобства и трудности для других. Но одни заводят глубоко в бездну, другие лишь доставляют мелкие неприятности.

И в моем королевстве появилась Червонная Королева. Но я сразу знала, что меня ждет. Не нужно быть мастером психологии поведения, чтобы понять, миссис Миллер старая сука. Трусливая, жадная, завистливая, властная.

Голову с плеч!

Забыла, она еще и шлюха. Но разве это новость. Моя жизнь - театр абсурда с казнями, самосудом и насилием. Хотела бы я ее изменить? Нет.

За всю свою жизнь я жалею лишь об одном моменте, что я села в машину к незнакомому мужчине. Это фатальная ошибка забрала жизнь лучшего человека в моей истории. Эта ошибка сломала меня, заставив причинять себе боль, улыбаться на людях, а в одиночестве темной квартиры, пускать себе кровь. Считаю ли я себя ненормальной? *Определенно.*

Говорят, что признание недуга - первый шаг к его исцелению. Проблема лишь в том, что я не хочу исцеляться. Мой «недуг» - это мой мир, моя кровь на рубашках, мой выбор. Могу ли я себя изменить? Пробовала ли я?

Конечно.

Но я слишком труслива для этого. Перемены - не моя сильная сторона.

Подушка Бенедикта пахнет свежестью.

Ты что, каждый день меняешь белье, чертов псих?

Вся его квартира пахнет так, будто она новая и в ней не живет мужчина за тридцать. Тут нет и грамма пыли на горизонтальных поверхностях. Ему бы не понравилось у меня в гостях: банки из-под колы, засохшая картошка фри в серверной**. Запах свежести убаюкивает меня, тишина завладевает моим

разумом. Я опять бегу за кроликом по поляне, а трава щекочет мне лодыжки. Странно, ни разу не видела у кролика гипс. Или я уже видела этого кролика?

Или я сумасшедшая?

Примечание к части

*«Грех и Печаль всего лишь слова — пустые слова, которые ничего не значат» - фраза взята из описания персонажа Алиса, Чарльзом Лютвиджем Доджсоном под псевдонимом Льюис Кэрролл.

** Серверная комната (серверное помещение или просто серверная) — выделенное технологическое помещение со специально созданными и поддерживаемыми условиями для размещения и функционирования компьютерного оборудования.